

Фантастические миры

Константин КАЛБАЗОВ

РЫЩАРЬ

Царство Небесное

Рыцарь

Константин Калбазов

Рыцарь. Царство Небесное

«Автор»

2012

Калбазов К. Г.

Рыцарь. Царство Небесное / К. Г. Калбазов — «Автор»,
2012 — (Рыцарь)

ISBN 978-5-9922-1051-4

Как известно, человека, пережившего удар молнии, она одаривает, вскрывая доселе скрытые возможности. Нашему современнику повезло пережить удар молнии, и она его так одарила... Теперь он регенерирует со скоростью ящерицы, обладает абсолютной памятью и может вспомнить все, что только видел или слышал с младенческого возраста, а еще... Его выбросило в неизвестный мир, в котором царит Средневековье, но люди не являются хозяевами этого мира, они здесь только гости. Перед Андреем Новаком встает насущный вопрос: как выжить?

ISBN 978-5-9922-1051-4

© Калбазов К. Г., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	34
Глава 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Константин Калбазов

Рыцарь. Царство Небесное

Посвящаю памяти моего отца Георгия Васильевича Калбазова

Глава 1

Молния

Было еще не поздно, однако уже начало темнеть, и Андрей вынужден был включить фары, чтобы не поймать лишнего ухаба на разбитом асфальте. Однако дорога была в столь плачевном состоянии, что колеса старенькой «шестерки» то и дело ухали в провалы, жалобно скрипя сайлентблоками и заставляя грохотать весь корпус. Народная марка автомобиля с семидесятых годов, вот уже более тридцати лет, считалась самой мягкой и сбитой машиной российского автопрома, уверенно занимая лидерство среди автомобилистов среднего достатка, однако о машине Андрея сказать этого было нельзя. «Ласточка», как он ее именовал, уже давно требовала ремонта, но на это, как всегда, не было денег – хватало прорех и дыр в семейном бюджете, которые постоянно приходилось затыкать.

Прислушиваясь к неприятным звукам, издаваемым бедным авто, Андрей понял, что, как ни тяжело сейчас, но придется выкроить немного средств для приведения в порядок хотя бы ходовой. В настоящий момент его многострадальная «шестерочка» была попросту в аварийном состоянии, и откладывать ремонт на потом уже не было никакой возможности.

«Либо ты разоряешься на запчасти и лезешь под нее – либо ставь на прикол. И желательно уже сегодня, – поймав очередной ухаб и услышав дробный грохот, подумал он. – Ну да ладно, потерпи, красавица, никак сегодня не получится, сегодня нужно еще немного поработать. Черт, опять яма. Артур, зараза, и что у тебя за раздолбанная такая улица!»

Двоюродный брат позвонил совершенно неожиданно и попросил его приехать, так как ему необходима была помощь Андрея, и срочно. Вопрос, как выяснилось, действительно был горячим.

История имела давние корни – еще с лихих девяностых. В те годы в их небольшом городишке то и дело гремели выстрелы и взрывы, унося из жизни то блатных, то приблатненных, а то и вовсе случайных людей, оказавшихся не в том месте и не в то время.

Андрею «повезло» устроиться на работу в милицию именно в это развеселое время. Он бы, конечно, не совался в эту структуру, напрочь прогнившую и вызывающую у него только позывы к рвоте, но тогда он еще не представлял всей картины, да и некуда было ему податься.

Он был офицером-пограничником, и можно сказать, вполне перспективным. Однако его угораздило выпуститься из училища именно в самый разгар развала СССР, а значит, на своей шкуре прочувствовать все прелести воинской службы – с задержкой заработной платы, набором в когда-то элитный род войск наркоманов и судимых, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Уволившись из армии и не найдя себя на гражданке, он стал думать: куда податься и как жить дальше, благо хотя бы с жильем вопросов не возникало – отцовский дом был вполне просторным. Вот так и вышло, что он не придумал ничего лучшего, как устроиться на работу в милицию, где и проработал участковым без малого двенадцать лет, а как только выслуга позволила, то год назад ушел на пенсию.

Так вот, в девяносто пятом году в маленьком городке противостояние достигло апогея: группировки вооружались кто чем и как мог. Надо заметить, недостатка в оружии не было:

в армии был такой бардак, что отчаявшиеся военные торговали оружием направо и налево и зачастую не столько наживались на этом, сколько добывали средства на прокорм семей.

Артур в то время работал водителем у одного из авторитетов города, и тот решил сделать дома у своего водителя схрон с оружием – так, на всякий случай. Артур по понятным причинам отказать ему не смог: работу терять не хотелось.

Так и вышло, что в палисаднике у брата Андрея оказался маленький склад оружия, а так как единственный человек, который о нем знал, кроме Артура, был вскоре убит, то все это богатство оказалось в распоряжении водителя ныне покойного авторитета, но вот что с этим богатством делать – Артур не знал.

Об этом он рассказал Андрею, и тот, недолго думая, предложил вывезти оружие за город и закопать его в лесу. Артур был с этим согласен, так как связываться с добровольной выдачей не желал, да и Андрей не советовал ему этого делать. Одно дело сдать незарегистрированную охотничью двустволку и совсем другое – несколько стволов боевого оружия. Да в Андреева брата вцепились бы мертвой хваткой, а если бы стволы оказались еще и грязными, то есть засветились в каком-либо убийстве, а вероятность этого была вполне реальной, то Артуру были бы полные вилы. Но, как водится, мероприятие все время откладывалось на потом, а затем этот факт как-то поистерся в памяти.

Так этот склад и пролежал в земле более десяти лет. Ситуация в стране стала более или менее устаканиваться, Артур, работая на стройке, вполне прилично зарабатывал и уже пару лет как подумывал о том, чтобы построить баньку. Наконец он решил осуществить задуманное, но так как хотел устроить приличную сауну с бассейном, то пришлось рыть небольшой котлованчик. И надо же было ему забыть о припрятанном оружии.

О нем он вспомнил, только когда полез в вырытую экскаватором яму, чтобы выкидать осыпавшуюся землю. Вернее, схрон сам о себе напомнил, когда часть края котлована осыпалась, обнажив боковую стенку одного из ящиков.

Трясаясь как осиновый лист, Артур поспешил позвонить Андрею, вопия о помощи. Оставить брата без поддержки Андрей никак не мог хотя бы потому, что тот, в свою очередь, не раз и не два помогал ему, не считаясь ни со временем, ни с трудностями.

Наконец, проскрипев тормозными колодками, машина остановилась перед воротами частного дома. Словно ожидая этого сигнала, створки ворот тут же раздались в стороны, и в свете фар возник Артур. Отойдя в сторону, он махнул рукой, призывая заезжать во двор, и, едва авто проскользнуло внутрь, брат суетливо прикрыл ворота.

– Ну показывай, где тут твое богатство, – преувеличенно бодрым тоном проговорил Андрей.

– Все бы тебе прикалываться, а у меня поджилки трясутся. Надо быстрее вывозить, пока жена не вернулась: у нее уже двадцать минут как смена закончилась.

– Ну ладно, где они хотя бы?

– Да вон два ящика. – Артур махнул рукой в сторону стоявших у забора двух оружейных ящиков. – Весь взопрел, пока их выволок.

– В багажник они не войдут, – хмуро заметил Андрей.

– Знаю. – Артур деловито открыл заднюю дверь и сноровисто начал расстилать на заднем сиденье невесть откуда взявшиеся два старых покрывала.

– Э-э, ты чего? Не хрен им делать в салоне, – догадавшись о намерениях брата, начал возмущаться хозяин многострадального авто.

– А что ты предлагаешь? – продолжая свое занятие, поинтересовался Артур.

– Да вытащить все это хозяйство из ящиков и свалить в багажник.

– А ящики?

– Да мало ли армейского барахла сейчас у людей в хозяйстве.

– Мне этого богатства не надо, – закончив расстилать покрывала, резюмировал Артур. – Давай, грузим.

– Ну дай хотя бы взглянуть на твое добро, кладоискатель ты наш.

– Некогда. Ленка вот-вот вернется.

С этим спорить не хотелось. Лена – та еще штучка, сует свой нос во все дырки, а потом еще и треплет языком где ни попадя. Нет, видеть ей это совсем не обязательно. Сноровисто подхватив ящики, братья быстро впихнули их на заднее сиденье и накрыли старым одеялом. Артур открыл багажник, чтобы сложить туда лопаты, и, взглянув в него, злорадно улыбнулся.

– В багажник, говоришь?

– А, блин, я и забыл совсем: мать просила сестре картошку завезти.

– Ладно, проехали.

В багажник поверх двух мешков с картошкой упали две штыковые лопаты с укороченными черенками – и все, можно трогать.

Однако человек предполагает, а бог располагает. Именно в этот момент калитка открылась, и во двор вошла Елена прекрасная – между прочим, не в переносном смысле. Лена выглядела на все сто: несмотря на рождение двух детей и бальзаковский возраст, она была все так же плотно сложена, как и в день знакомства с братом, но без какого-либо намека на полноту, и это все было достигнуто без мазохистских занятий фитнесом или изнурительных диет – просто матушка-природа взяла под крыло эту красивую женщину, несмотря на то что уж она-то ни в чем себе не отказывала.

Привычным и довольно изящным движением Лена откинула за спину прядь длинных пепельных волос и, склонив головку немного набок, озорно улыбнулась:

– Ой, мент. Привет.

– Не мент, а заслуженный пенсионер Юга России.

– Ну, насколько мне известно, в вашей конторе бывших не бывает.

– Это точно, тогда я буду первым, так как полностью абстрагировался от этой прогнившей организации.

– Ага, а пенсионным удостоверением перед носом гаишников махать не забываешь. Они-то, бедолаги, думают, что свой, а налицо вражина.

– Ну они ведь маскируются под честных служаек, так почему же и мне не подыграть им? Ладно, Лен, мы тут с Артуром ненадолго отъедем. Срочное дельце нарисовалось, через час верну твоего благоверного.

– А что это у вас за дела? – осматривая машину и не находя ничего предосудительного, поинтересовалась она. При этом Андрей добрым словом помянул свою бывшую работу, так как именно из-за нее он в свое время затонировал стекла, как говорится, в хлам, поэтому рассмотреть, находится ли что-нибудь внутри, Лена попросту не могла. – Нет, Андрюша, на этот раз без Артурчика. Нас пригласили на день рождения. Так что у нас время только переодеться.

– Лен, да мы мигом, и часа не пройдет, – попытался спасти ситуацию Артур, но нарвался на такой выразительный взгляд, что Андрей понял – скандал будет, а вот толку из этого не выйдет. Скандалить Лена могла самозабвенно и подолгу, и остановить эту стихию не было подвластно никому.

– Ладно, Артур, в следующий раз.

– А как же...

– Потом, Артур, потом, – не дав договорить брату, заключил Андрей. Ох как не хотелось возиться с этими ящиками одному, но, видно, все же придется.

Запустив двигатель, он выехал со двора и направился к концу улицы, выходящей в поле. Этот район стал застраиваться только в девяностые и не был популярным, так что полноценно была застроена только улица, на которой жил брат, а буквально через сотню метров начиналось

поле. Впрочем, его лучше было назвать пустырем, так как эта земля уже давно забыла, что такое плуг.

Объехав по полевой дороге жилой квартал во избежание встреч с ДПС, Андрей направился к дороге, ведущей в соседний поселок. Не доезжая до поселка бывшего совхоза, он рассчитывал свернуть опять на полевую дорогу и взять в сторону небольшого лесного массива. Было там одно неприметное местечко, где он и хотел закопать опасный груз.

Но, видно, день или, точнее, вечер был не его. Едва он свернул на асфальт, как сзади засверкали проблесковые маячки, затем зажглись фары, и патрульная ДПС погналась за ним. Да-а. Что такое не везет и как с ним бороться. Убегать бесполезно, только хуже будет – тогда дэпээсники точно не отвяжутся. Они иногда устраивали засаду в этом месте, высматривая крадущиеся по полям авто, так как зачастую этим путем пользовались недобросовестные водители, употребившие горячительное, а потом влезшие за руль. Начни убегать – и они уверятся в том, что это их добыча желает ноги сделать, а что такое пьяный за рулем для ГИБДД, объяснять не надо. Клондайк.

Решив действовать на опережение, Андрей, не дожидаясь команды, включил поворотник и остановился на обочине. Вскоре к нему подошел инспектор, и Андрей, стараясь держаться спокойно, протянул ему свое пенсионное удостоверение.

Этих ребят он не знал, так как служивые были не из городского отдела, а из районного. Но с другой стороны, риск был минимальным, пенсионное всегда прокатывало на раз.

– Андрей Михайлович, а что по полевым-то дорогам? – возвращая удостоверение, поинтересовался лейтенант.

– А ты по Западной давно ездил? – едва справляясь с волнением, проговорил Андрей.

– Да мы-то районные.

– А ты съезди, может, повезет и подвеска уцелеет.

– А везете что?

– Оружие, – ухмыльнувшись ответил Андрей. Он давно уже заметил за собой, что всякий раз в серьезной ситуации испытывал страх, но стоило событиям начать свой ход, как становился собранным и напористым. По-другому было попросту нельзя. Всякий раз, идя на очередную хату на своем участке, он испытывал страх и шел только потому, что это была его работа и, если хотите, долг. Каждый раз, входя в притон, он трясся как осиновый лист и злился на себя за это безмерно, но стоило ему предстать перед обитателями этих мест, как страх загонялся им куда-то внутрь и продолжал скулить откуда-то из недр души, а сам Андрей, заведенный и науськанный самим собой, преображался и представал перед братией во всей своей несокрушимости и самоуверенности.

– А просто ответить нельзя? – обиженно зыркнув на водителя, проговорил инспектор. – Мы ведь на службе.

– Ладно, не заводись, лейтенант. Открыть багажник? – Андрей открыл свою дверь, намереваясь выйти из машины.

– Не надо. Езжайте. Счастливого пути.

– И вам удачи.

«Вот, блин, слуги народа и его же наказание. А ведь могли по медальке схлопотать за обезвреженного оборотня в погонах, пардон, пенсионера. Ладно, проехали», – нервно ухмыльнувшись, подумал Андрей.

Однако на душе было отчего-то погано. Он прислушался к своим ощущениям, но никак не мог понять, что его так тревожило. Это ощущение, когда внутри постоянно пробежал холодок то вверх, то вниз, у него появилось еще в училище и ни разу не подводило; а значило оно, что его, то есть Андрея, поджидают какие-то неприятности. Но что могло случиться? Еще один экипаж ГИБДД? Даже не смешно. Районным и так жилось не столь вольготно, как их коллегам в городе, и при том потоке транспорта, что они имели, стоять на одной дороге двум экипа-

жам попросту нерентабельно. Погода? Тоже мимо: небо было звездным, при полной луне, ни клочка облаков. Хотя для Кавказа это не показатель – все может поменяться в десять минут, а тогда уж можно и застрять.

Ехать в принципе было недалеко: не далее трех километров по трассе вбок отходила грунтовка, которая вела в лес, куда любили выезжать на пикник и городские, и районные. Приметное такое место на берегу небольшой речушки, выходящей по берегу лесного оврага с вполне приличным для проезда автомобилей проселком.

Не доезжая до этого места примерно с полкилометра, Андрей свернул влево, на давно уже заброшенный проселок, который угадывался только благодаря тому, что в бывшей колее трава была пореже, нежели вокруг. Когда-то эта дорога вела к домику лесника, от которого сейчас не осталось и следа, разве только яма на месте бывшего погребка – собственно, в нее-то он и собирался выгрузить ящики, а затем прикопать сверху.

Насчет того, что их сможет кто-нибудь обнаружить, он не переживал. Была уже поздняя осень, так что даже на пикники люди перестали ездить, а в эту сторону тем паче.

Неизвестно было, с чего все началось, но люди старались избегать этого места с незапамятных времен. Вообще-то объяснить такого предубеждения тоже никто не мог. Ходила молва, что место это нехорошее, но чем оно не нравится, никто бы не ответил. Сказать, что люди здесь пропадали, – так не было этого, гиблым место также не назовешь, ни о каких странных смертях или болезнях, связанных с ним, никто ничего не рассказывал. Но вот еще от пращуров повелось, что место нехорошее, и все тут.

После того как власть взяли Советы, среди народных масс шла сильная агитация и против религии, которая «опиум для народа», и против примет и народных поверий. Так что если и переговаривались об этой полянке, то по-тихому. А там и поколение атеистов подросло.

В пятидесятых на полянке поставили ведомственный домик, принадлежащий новому лесничеству. Но не приживались здесь работники, переводились или увольнялись. Длилось это не один год, пока здесь не поселился один мужичок: пропойца редкостный, за лесным массивом он смотрел, прямо сказать, плохо, но зато штатная единица забита – и ладушки. Лет десять назад он скончался. К тому времени на никому не нужный домишко все уже давно наплевали, и он разваливался.

Место оно конечно, нехорошее, да кто же откажется от дармовых строительных материалов? Вот и разобрали строение до основания. А после этого в ту сторону никто и не ходил. Незачем стало, да опять же заветы стариков стали вспоминаться и все сильнее приживаться в народе.

Вскоре проселок юркнул в лес, и в свете фар на «дороге» то и дело появлялись молодые деревца подлеска. Препятствием они были никаким, и Андрей с легкостью пропускал их под днищем «шестерки», слыша, как молодые и гибкие ветки скребут по корпусу авто, – посадить царапины на кузов он не боялся, там уже пробу ставить было некуда.

«Блин, накаркал. Ветер-то нешуточный налетел, вон деревья как пригибает. А вот и тучки в просветах замелькали. Может, ну его, выброшу ящики прямо так, и деру...»

Однако, сделав на лице кислое выражение, эту мысль отбросил быстро и бесповоротно. Хотя он и не любил своего бывшего министерства, а от сослуживцев, с которыми не был дружен, попросту абстрагировался, он был именно ментом, а потому все его существо было против того, чтобы практически на виду оставить оружие, которое мог найти любой и использовать как угодно. Для себя он даже решил, что по весне сам же и найдет это оружие и сдаст органам. Того, что его будут сильно трясти, он не боялся, так как знал, что ему ни черта не сделают: чистой воды добровольная выдача, и все тут. Нашел. Как-как, каком кверху. По весне уже никаких следов, которые позволили бы связать его и Артура с этим оружием, не останется.

Наконец лес расступился, открывая взору небольшую, диаметром около пятидесяти метров, поляну. Ветер усилился, и небо быстро затягивали облака, несущиеся, словно подгоняе-

мый волками табун лошадей. Андрей понимал, что у него еще есть с полчаса, а этого времени ему должно было хватить, но только ощущение неминуемой беды все усиливалось.

Вывернув руль, он направил авто к противоположному краю поляны, где в свете фар темным провалом угадывалась яма от бывшего подвала. Он решил доехать до середины поляны и там, остановившись, проверить на надежность дальнейший путь, чтобы как можно ближе подобраться к краю ямы: ящики, что ни говори, были тяжеловаты.

Он уже намеревался остановиться, когда днище машины заскребло по какому-то земляному холму, не иначе кротовой куче, и тут все вокруг озарила голубая вспышка. Андрей успел повернуть голову в сторону бокового окна, стекло которого было опущено, и словно в замедленной съемке увидеть, как к нему приближается ветвистая ломаная голубоватая молния и что главный ствол этой самой молнии направлен ему точно в лоб. Он видел, как одновременно с главным стволом отростки молнии ударили в многострадальную «шестерку». Он даже успел мысленно возопить что-то нецензурное в отношении кавказской погоды, родственников гроз и близких молнии. А потом не осталось ничего. Ни боли, ни света. Ни-че-го.

Глава 2

Другая планета?

В голове стоял сплошной гул, словно кто-то от души саданул по медному колоколу и тот отозвался малиновым звоном на одной тональности, никак не желая утихать и продолжая гудеть, до зубной боли проникая в голову и порождая вибрацию, которая вот-вот разорвет череп.

Не открывая глаз, Андрей припомнил, что так хреново ему было только однажды. Он тогда был командиром роты – весьма молодым, надо заметить. Тогда к нему в роту перевели старого и прожженного прапорщика Бдикова Сигиндыка Усингалиевича на должность командира взвода. Каким старый вояка был командиром, Андрей еще не понял, но сразу осознал, что пить этот казах мог часто и помногу.

Как-то, схлестнувшись в очередной раз со своим взводным, Андрей пошел у него на поводу и стал на равных хлестать неразбавленный спирт; и умудрились они на двоих приговорить ровно два литра популярного в начале девяностых спирта «Рояль». Пили вдумчиво и практически всю ночь, а наутро как ни в чем не бывало заявили на службу и приступили к своим обязанностям. Хотя тем, кто общался с ними, приходилось каждый раз бороться с неодолимым желанием закусить. Что и говорить о том, что молодой лейтенант всячески старался не потерять лица, и это ему вполне удалось, но как же ему тогда было хреново... Ну наверное, как сейчас.

Собравшись с силами, он наконец с большим трудом сумел приоткрыть веки и тут же сильно зажмурился от хлынувшего потока солнечного света, породившего новую волну боли. Из груди вырвался страдальческий стон, а затем, вновь потеряв сознание, он завалился набок.

Когда очнулся, гул в голове несколько поутих, стало немного легче. Он вновь попытался открыть глаза. На этот раз свет не резанул по глазам, но увидеть, кроме мутной пелены, он ничего не сумел. Однако добавилось что-то новое, и это его радовало еще меньше: все тело словно затекло. Состояние было сродни тому, когда руку или ногу хватает судорога, а затем начинает отпускать, причиняя тягучую, ни с чем не сравнимую боль. Вот именно такое ощущение сейчас и охватило Андрея, но только болела не какая-нибудь часть, болело все тело, каждая мышца, каждая жилка, каждая косточка. И тогда он завыл. Завыл на одной ноте, сам страшась своего воя и не в силах остановиться:

– Ы-ы-ы-ы!!!

Наконец его начало отпускать, боль постепенно отступала, а судорога ослабевала, позволяя расслабиться. Пелена с глаз сползла, и он понял, что лежит на боку, завалившись на переднее пассажирское сиденье, упершись головой в обивку двери.

– Су-ука. Твою-у ма-ать. Бо-ольно-о, – роняя на сиденье тягучую слюну и поток слез, сумел простонать он.

Сколько Андрей так пролежал, стена и проклиная все на свете, определить он не взялся бы, но, как говорится, всему есть свой предел. Постепенно боль отступила и стала вполне терпимой. Во всяком случае, каждое движение не причиняло непередаваемой боли. Взяв наконец себя в руки, Андрей сумел подняться и занять вертикальное положение. В глазах на мгновение потемнело, но тут же отпустило. Он попытался пошевелить рукой, и это не причинило особого дискомфорта, он утер рукавом куртки натекшую на подбородок слюну и слезы. Требовалось выйти из машины, так как боль вроде и поутихла, но онемение никуда не делось: необходимо было срочно размяться.

Потянув за ручку, он услышал привычный, характерный щелчок замка, и дверь легко распахнулась от незначительного толчка. Затем, приложив немалые усилия и опираясь обеими

руками на дверцу, он сумел извлечь из кабины свое многострадальное тело и буквально повис на распахнутой двери. Было больно, но терпимо – ничего общего с тем, что он испытывал еще совсем недавно. Вместе с тем он почувствовал, что по мышцам бодро заструилась кровь, вызывая уже только легкое покалывание.

Он простоял так, ни о чем не думая и только прислушиваясь к ощущениям своего тела, несколько минут. С каждым толчком крови, отдающимся в висках, он чувствовал, как начинают оживать разные части тела.

Наконец до него дошло, что он уже вполне способен нести свое тело самостоятельно, и даже начал переминаясь на месте. Осознав это, он наконец отпустил дверцу и сделал несколько пробных шажков, двигая руками, плечами, поворачивая и немного наклоняя в стороны, вперед и назад торс, вращая головой, чтобы размять шею.

Примерно через полчаса такой незамысловатой гимнастики Андрей вдруг понял, что тело больше не отзывается болью, куда-то пропала и уже привычная колющая боль в правом колене от начинающего развиваться ревматизма.

Рука сама собой потянулась, чтобы привычно пригладить волосы. Он провел пятерней по голове и тут же отдернул руку, недоумевающе глядя на нее. На ладони осталось несколько скрученных опаленных волосков.

– Твою мать!

Новак резко крутанул боковое зеркало, едва не вырвав его из гнезда, и посмотрел на свое отражение. Да-а, нечего сказать, хорош. словно кто-то прошелся паяльной лампой по голове и лицу: не было ни бровей, ни ресниц, ни усов. На месте шевелюры имелись только скрюченные останки. Лишь сейчас он вдруг ощутил резкий запах паленых волос, но, как ни странно, ожогов не наблюдал, только на лбу розовое пятно подживающей раны диаметром не больше трех сантиметров.

И тут он вспомнил все. Себя в машине на лесной поляне, резко ухудшившуюся погоду, начинающуюся и столь нехарактерную для этого времени года грозу, молнию с поразительной, заволаживающей медлительностью приближающуюся к нему и бьющую его в голову. От воспоминаний его бросило сначала в жар, а затем в холод, и он покрылся липким и противным потом.

– Это что же получается, меня шандарахнула молния, да еще и точно в лоб. Да мне ведь кранты должны были прийти. Это же какой разряд!

Нет, он, конечно, видел передачу про тех, кого ударила молния, а одного америкоса так и вовсе била на протяжении жизни несколько раз, тот даже переехал куда-то, где осадков практически не бывает, но его и там ударила очередная молния. Еще там говорилось, что всех, кто пережил удар молнии, та словно чем-то одаривала или вскрывала скрытые резервы организма и инициировала необычные способности. Интересно, Андрей теперь будет экстрасенсом, целителем или провидцем? Ага, шаз! Жив – и то слава богу. Кстати, того америкоса молния ничем так и не одарила. А может, она обиделась на то, что не оказалось у него никаких способностей, и продолжала его долбить, чтобы до чего-нибудь достучаться?

Сам того не замечая, он беседовал сам с собой, очищая с помощью носового платка лицо и голову от сгоревших остатков волос; да-а, видок был тот еще. Критически осмотрев корочку ранки на лбу, он подцепил ее ногтем и слегка потянул, та легко подалась и отслоилась от кожи, не причинив ни боли, ни неудобств, оставив после себя молодую розовую кожу, словно с момента получения ожога прошло никак не меньше недели, а то и двух.

– Да-а. Похоже, молния меня все-таки одарила. Вон как на мне все заживает – пожалуй, вскрылись небывалые регенерационные способности. Ну не могло меня шандарахнуть больше суток назад: вон как крутило, когда в себя пришел, – не имея другой аудитории, продолжал он общаться сам с собой. – Ну что же, это, конечно, не экстрасенсорные способности, но тоже хорошо, вон и колено не болит, а уж с этим я в последнее время и просыпался, и спать ложился.

Ухмыльнувшись, он решил наконец заняться тем, для чего, собственно говоря, и отправился в эту проклятую поездку. И тут он вдруг явно почувствовал, что что-то не так. Да что почувствовал – он явно это видел. Ну нет в их регионе таких лесов, на поляне которого он сейчас стоял. У них росли ясень, дуб, осина – в общем, лиственные леса, а стоял он посреди светлого сосняка, какой видел только в Архызе: стройные сосны и ели возносились на высоту в полтора-два десятка метров. В общем, не было такого леса ближе двухсот километров от города. Потом он обратил внимание на сочный зеленый цвет невысокой, только начавшей рост травы, словно и не октябрь был вовсе, а самый разгар весны.

Несколько минут он стоял совершенно неподвижно, словно окаменел, затем, энергично тряхнув головой, подошел к ближайшей ели и, взяв в руки одну из веток, внимательно осмотрел ее. Так и есть – на концах веток наблюдались молоденькие и еще совсем мягкие иголки. Значит, все же весна. Но ведь этого не может быть.

В растерянности он стал осматриваться вокруг, стараясь найти хоть какое-нибудь объяснение происходящему, но не находил его. Разве только молния телепортировала его куда-то... Но как же быть с весной? А может, в Южное полушарие? А растут ли в Южном полушарии сосны? Бред, конечно же растут. Тогда понятно, почему весна, но как могло его телепортировать? В принципе матушка-природа еще и не такие коленца способна выкидывать, иди объясни их все, ученые вон сколько бьются над изучением природы молнии – и ни черта не объяснили. Ну то есть они выдвигают различные теории и гипотезы, но вот точно утверждать никто ничего не может.

И тут произошло нечто, убедившее его в том, что оказался он если и в Южном полушарии, то уж никак не на Земле. Нет, он, конечно, астрономией никогда не увлекался и из школьного курса помнил только созвездие Малой Медведицы, которую каждый раз с большим трудом находил на небосводе. Но он точно знал, что луна может повстречаться с солнцем только на рассвете, да и то летом, но не посреди дня, а еще он знал, что луна не может выглядеть такой большой. Этот же спутник, vyplывающий из-за крон деревьев на вершине горы, был настолько близок, что на его поверхности невооруженным глазом можно было рассмотреть выделяющиеся бледно-серым цветом кратеры.

Это не могло быть правдой. Это какой-то глюк – надо заметить, качественный глюк, с сочными красками и множеством мелких деталей, как смешанный запах зелени и хвои, опьяняюще шибайущий в голову. А еще странный тем фактом, что боль он ощущал довольно реально, – это он понял, саданув сам себя в челюсть.

Осознание того, что он находится не на Земле, повергло его в полную прострацию. Ничего не соображая, он опустился на отдающую, несмотря на теплый солнечный день, стылым холодом землю и так замер, словно истукан. От страха под ложечкой засосало так, что невольно вспомнился случай, когда на него безоружного бросился один отморозок с ножом. Тогда Андрей сам себя уже похоронил и за те мгновения, пока парень приближался к нему, успел вспомнить всю свою недолгую жизнь; а много ли вспоминать, когда тебе едва исполнилось двадцать пять? Как выяснилось, много. Но он-то испугался, а тело сработало на автомате, и нож, выбитый ногой, отлетел далеко в сторону, а тогда уже пришел черед ярости. Его едва оттянули от уже не подающего признаки жизни буяна. Благо пронесло – сломанная рука и челюсть не в счет: паренек, протрезвев, даже и мысли не допускал о заявлении на избившего его. Андрей решил тоже не усугублять, а потому тот случай замялся сам собой. Вот тогда у него сосало под ложечкой так, что едва не вывернуло наизнанку. Нынешние ощущения были один в один с теми.

Просидел он в таком состоянии довольно долго, сколько именно – не взялся бы определить, но не меньше нескольких часов. В себя же его привело просто-таки громогласное урчание в животе, да и под ложечкой засосало с такой силой, что его попросту затрясло. Земля это или нет, но организм недвусмысленно требовал пищи, и немедленно.

– Вот еще беда. Где же взять пожрать-то? – опять начал он рассуждать вслух. – На землю обетованную эти места непохожи, и булки на деревьях не растут.

Он наконец стал осматриваться более внимательно. Поляна была овальной формы, довольно большой – примерно двести на сто метров – и находилась на склоне какой-то горы, который плавно понижался к северу. На юге он постепенно становился все круче, и деревья забирались выше и достигали вершины горы, а вернее, цепи вершин, проходящих, насколько видел Андрей, с востока на запад, а если точнее, то гряда имела форму подковы с открытой стороной в южном направлении. Откуда он знал, где какие стороны света? А по мху на деревьях определил. Откуда он это так хорошо помнил, что на автомате сумел сразу же сориентироваться? А черт его знает, знал – и все тут. С горы вилась небольшая бурная речушка, но неподалеку от того места, где был Андрей, русло раздавалось вширь, и речушка мелела окончательно, замедляя свой бег, весело журча по гальке отмели между разбросанными валунами. К концу поляны русло вновь сужалось и терялось среди деревьев, где, как было видно, начиналось небольшое ущелье. Рассмотреть точнее сейчас не представлялось возможным из-за лесных великанов.

Итак, первичный осмотр был проведен, но это ни на миллиметр не приблизило Андрея к решению задачи по восполнению израсходованных калорий. И тут, весело улыбнувшись, Андрей подскочил к багажнику и сноровисто откинул крышку. Ну конечно, куда же они могли подеваться – да никуда, если машина тут. На него весело глянули два мешка с картошкой, которую он так и не довез до сестры.

Он быстро набрал сушняка и развел костер, при этом порадовавшись тому, что, как ни настаивала его жена, он бросить курить так пока и не собрался. Вот и ладно, не то пришлось бы морщить лоб в решении задачи по добыче огня. Когда костер прогорел, Андрей закинул в кучу горячих углей несколько картошин, выбирая не особенно крупные, чтобы пропеклись побыстрее.

Наконец голод был утолен. Правда, напрягало отсутствие соли, ну да нельзя получить все и сразу. Оно конечно, не так вкусно и совсем непривычно, но зато брюхо набито вполне основательно, и он буквально ощущал, как изголодавшийся желудок набросился на столь желанную пищу.

Теперь пришла пора переходить к другой проблеме, а именно – к проблеме выживания. Кто населяет эту планету – непонятно, но вот в том, что здесь найдутся те, кто захочет ему сделать больно, он не сомневался. А значит, нужно озаботиться своей безопасностью. Он мысленно возблагодарил Господа за то, что если все это и произошло с ним, то по крайней мере произошло именно сейчас, а не в какое-либо другое время. Так как по меньшей мере вопрос насчет вооружения перед ним не стоял. Оружие у него было, и, судя по весу проклятых ящиков, было его в избытке.

Несмотря на то что с Артуром им пришлось изрядно поднапрячься, прежде чем они загрузили эти ящики, с разгрузкой Андрей справился довольно споро – попросту выволок их из салона, ничуть не заботясь о том, что посадил несколько царапин на корпус и немного помял дверь. Глупо переживать по этому поводу в такой-то ситуации.

Расположив ящики на траве друг рядом с другом, он вскрыл первый. Под крышкой обнаружились большие черные полимерные мешки для мусора, в которые что-то было уложено, видимо, чтобы предохранить от возможного проникновения влаги. Первым желанием было разорвать мешки и быстро взглянуть на содержимое, но Андрей вовремя остановился: он был не в том положении, чтобы чем-либо разбрасываться, – взять что-то ему теперь неоткуда, а потому ничего не случится, если он немного повозится и развяжет капроновую веревку на горловине мешка, тем более что она предусмотрительно была завязана бантиком. Вот и ладно.

Вытащив все на свет божий, Андрей осмотрел первую часть трофеев. Впечатляет, и весьма. В ящике находились два бронежилета – судя по их виду, в ящик они попали еще вполне

новыми, и все титановые пластины наличествовали в отведенных для них карманах, что радовало. Работая в милиции, он часто сталкивался с этим типом броников, но только они – то есть служители закона – постоянно халтурили, вынимая эти самые пластины, преследуя простую и незамысловатую цель – облегчить бронежилеты, чтобы не таскать на себе лишнюю тяжесть. Но здесь ситуация была совсем другой, и он предпочтет потерпеть эту самую тяжесть, мало ли.

Также там наличествовали шесть цинков с патронами к автомату Калашникова калибра 7,62 миллиметра, два цинка с патронами к пистолету «макаров», десять гранат РГД-5 и двадцать гранат Ф-1 с запалами к ним.

Один из цинков его заинтересовал особо. Маркировка на нем была какая-то необычная. Немного поморщив лоб, он вдруг вспомнил, как на занятиях по огневой преподаватель рассказывал им о дозвуковых патронах. Так вот, маркировочка была один в один, как говорил подполковник Моторин. К чему бы это?

«Да-а. Ребятки-то не мелочились. Прямо как на войну упаковались. Так, а что у нас со стволами? Здесь их нет. Посмотрим в другом ящике».

Он быстро вскрыл второй ящик, постоянно прогоняя мысль о том, что и в этом ящике могут оказаться только снаряжение и боеприпасы, а тогда от этого арсенала толку – что от козла молока; хотя можно использовать гранаты, но на одних гранатах далеко не уедешь.

Но едва крышка ящика была откинута, как от сердца тут же отлегло. Внутри находились все те же полимерные мешки для мусора, но в каждый мешок по отдельности были упакованы продолговатые предметы, суть которых была ясна и так, по конфигурации. Там явно находились искомые стволы, вот только соответствует ли калибр? Арсенал-то принадлежит не вояке, мало того – про Артурова шефа он точно знал, что тот в армии никогда не служил, а потому сдуру мог и патроны приобрести не того калибра. Эта мысль постоянно преследовала его, пока он не развязал наконец шнур на горловине и не извлек на свет божий старый добрый АКМ, густо покрытый смазкой.

Сноровисто откинув крышку ствольной коробки и отсоединив пружину возвратного механизма, он извлек затворную раму и критически осмотрел затвор, затем взглянул на ударно-спусковой механизм и только после этого вздохнул с облегчением.

На первый взгляд все было в полном порядке. Конечно, местами проявились следы начинающейся ржавчины, но это не играло принципиальной роли. Автомат был в отличном состоянии, и, судя по всему, на нем и муха не сидела: выглядел он новеньким, не иначе как бывший шеф Артура приобрел его на складе НЗ, а не в какой-нибудь части.

Человек с оружием в руках чувствует себя куда более защищенным. Поэтому Андрей, еще не отдавая себе отчета, быстро извлек, не распаковывая, еще несколько подобных свертков и, найдя мешок, в котором безошибочно угадывались магазины, взял один из них и, вскрыв цинк с патронами, быстро снарядил его. Затем вставил его в наскоро обтертый от смазки автомат и с греющим душу лязгом передернул затвор. Все, теперь он вооружен. Едва осознав это, он понял, насколько боится, находясь один в неизвестном месте. Нет, страх не пропал бесследно, он еще владел им и не отпускал до конца, но того всеобъемлющего ужаса, которого он все это время старался не замечать, уже не было.

Немного успокоившись и держа заряженное оружие под рукой, он начал осматривать остальные трофеи, доставшиеся ему по воле случая. Каждая находка его несколько вдохновляла и в то же время повергала в безмерное удивление. Нет, шеф Артура явно собирался участвовать в боевых действиях – или, когда подворачивался случай, не мог удержаться и покупал все, что ему предлагали. Впрочем, надо отдать ему должное – хапал он вовсе не без разбору.

В наличии оказались еще два АКМ, один АКМС, один РПК, ко всем стволам наличествовало по четыре магазина и подсумки к ним, к РПК, к радости Андрея, имелись четыре барабанных магазина емкостью по семьдесят пять патронов. Один СКС – самозарядный карабин Симонова, гражданский образец без штыка, но зато с куда более удобным ложем, с оптикой, ну

очень серьезной для этого оружия – аж десятикратной, четырьмя зарядными планками и под-сумком под них. Два пистолета «макаров» с четырьмя магазинами и один «стечкин» с тремя магазинами к нему, а также кобуры к ним, все три оперативки. Еще там находились два охот-ничьих ножа и, подумать только, самая настоящая казачья шашка.

Мелькнула было озорная мысль немного поиграть с клинком, вспомнилось детство и дед по линии матери. Мелькнула и пропала. Не до игрушек. Тяжко вздохнув, он отложил клинок в сторону.

На одном из ПМ Андрей заострил свое внимание особо, так как у того ствол выглядывал из затворной рамы и имел мелкую резьбу. Такое встречалось на пистолетах, которые предна-значались для стрельбы с глушителем. Покопавшись немного, он нашел целых два, причем если один из них подходил к «макарову», то второй, судя по всему, предназначался явно для СКС, да и к автоматам вполне подходил.

«Чудненко: покойный явно рассчитывал в случае чего не погнушаться и киллерством из-за угла. Вот и причина наличия дозвуковых патронов обнаружилась. А что это дает нам? А то, что без охоты не обойтись, но не шуметь же на самом-то деле на всю округу, мало ли кто может услышать, а кто тут водится – неизвестно, может, каннибалы. Нет, вещь вполне подходящая и полезная».

Быстро протерев карабин от лишней смазки, он зарядил его, навинтил глушитель и при-крепил оптику. Делая это, он немало удивился, так как СКС он в своей жизни держал в руках только один раз – ради интереса снимал оптику и вновь прилаживал ее обратно, – тогда же владелец карабина, бригадир трактористов, увлеченно рассказывал ему о том, как нужно поль-зоваться прицелом, как пристреливать карабин и тому подобное. В тот раз он сделал несколько выстрелов, правда, патроны скупердяю Фомину пришлось возвращать сторицей... Андрей и не подозревал, что у него такая хорошая память.

Впрочем, оптику тоже нужно было проверить – мало ли, окажется непристрелянной. Изготовив оружие к бою, он огляделся в поисках достойной цели, а затем, не став сильно замо-рачиваться, осмотрел сквозь оптику берег речушки, до которого было около ста метров, и, найдя подходящий приметный валун, подвел под одну из выбоин птичку и нажал на спуск. Приклад вполне знакомо толкнул в плечо, хлопок выстрела хотя и был погромче, чем рассчи-тывал Андрей, но оказался не громче лязганья затвора. Когда после отдачи оптика вновь вер-нулась на линию прицеливания, Андрей обнаружил, что выбоина на валуне несколько увели-чилась, белея свежим сколом.

Что же, предыдущий владелец карабина явно не пожалел ни сил, ни времени, чтобы при-вести оружие к нормальному бою, и это радовало. Не в положении Андрея было разбрасы-ваться невосполнимыми, в прямом смысле этого слова, боеприпасами.

В это время из леса на дальний край поляны вышли три косули. Самец с ветвистыми рогами, самка с аккуратными рожками и их теленок. В первое мгновение он даже испугался так, что под ложечкой возник противный пульсирующий холодок, но потом при виде этой ходя-чей мясной лавки Андрей чуть не подавился слюной.

Недолго думая, он быстро вскинул карабин и тут же поймал в прицел самца. Однако выброс адреналина был довольно высок, и руки его дрожали, заставляя ходуном ходить оптику, отчего он никак не мог уверенно взять прицел.

Наконец он опустил карабин, несколько раз глубоко вздохнул и вновь припал к прицелу. Это время дало ему возможность трезво взглянуть на возникший вопрос. Взрослые особи ему были явно не нужны. Ну что он будет делать с таким количеством мяса? Соли нет. Коптить мясо он не умеет, а так просто перевести продукт – это глупо. Поэтому он поймал в прицел теленка, и на этот раз маркер прицела не выписывал вензелей. Андрей плавно потянул спус-ковой крючок, и когда после выстрела он обозрел свою добычу, то увидел лежащего на траве и сучащего ногами теленка, улепетывающего во все лопатки самца и самку, устремившуюся

сначала следом. Затем она остановилась, неуверенно сделала шаг к детенышу, но, заметив поднимающегося на ноги человека, все же припустила за своим спутником.

– Вот же блин. Напугали до последней стадии развития. Ну да ладно, я не в обиде. Тем более что никто этого не видел. – Подбадривая себя, он доснарядил в магазин недостающие два патрона, после чего направился к своей добыче, которая уже перестала биться и спокойно поджидала его. – Кстати, весьма хреново, должен вам заметить, что этого никто не видел. Честно признаться, я сейчас был бы рад любым насмешкам и издевательствам, – продолжал он разговаривать сам с собой.

На то, чтобы принести телят к стоянке и разделать, у него ушло не больше получаса. В свое время, в бытность сельским участковым, ему довелось разделать не одного барана, отличный в принципе никаких, так что дело спорилось.

Голод еще не заявлял о себе в полную силу, и потому он решил не издеваться над своим желудком, жаря мясо на костре. Как оно еще сложится, было неизвестно, а потому, если есть возможность, питаться нужно было стараться правильно.

Поэтому он спустился к речке и постарался отмыть вскрытый цинк из-под патронов, так как другой посуды все равно у него не было. Он выбрал на отмели затончик, образованный валуном причудливой формы, словно ковш: вода втекала в него через низкий край и затем, огибая выступающий наружу другой край валуна, продолжала свое течение. На его дне как раз скопилось достаточное количество песка, а за неимением другого он как нельзя лучше подойдет для предстоящей операции.

Неладное он заподозрил, едва коснувшись рукой этого самого песка. Едва его пальцы погрузились в песчинки, как он замер. Что именно его насторожило, Андрей в первую минуту не понял. Быстро отдернув руку, он перехватил карабин, с которым не расставался, и затравленно огляделся. Что его напугало, он сначала не осознал, затем, немного подумав, решил, что это была какая-то необычность, что-то несвойственное происходящему, но что?

Его глаза сами собой опустились к чаше, в которой он попытался зачерпнуть песок.

– Ну и что, песок как песок, – вновь заговорил он сам с собой. – Золотой такой песочек. Стоп, а почему золотой? А почему нет мути? Нет, я, конечно, понимаю – водичка проточная, но муть не могло так быстро вымыться.

Он опять опустился на колени и, опустив руку, зачерпнул полную жменю песка. На этот раз вода замутилась, но самую малость, а вот тяжесть песка и ближайшее его рассмотрение сказали Андрею очень многое.

Старателем он никогда не был, но много чего слышал от знакомых деревенских мужиков, которые работали на магаданских приисках по вахте. Там-то здорово не разгуляешься, только за запах перегара можно было легко вылететь без выходного пособия, поэтому после двухмесячного воздержания они целый месяц отводили душу, не вылезая из запоя больше чем на пару суток. Мужики в принципе не безбашенные и не буйные, нормальные мужики, которым пришлось искать работу у черта на куличках, чтобы содержать семьи, поэтому посидеть с ними Андрей не считал для себя заторным.

Так вот, как говорится в одной старой поговорке: «На работе – о бабах, с бабами – о работе», – так получалось и с ними. Как только сто пятьдесят падало на грудь, тут же начинались разговоры только о работе на прииске, а так как, бывало, ребята работали на разных приисках, то начинался детальный разбор способов добычи золота и получения конечного продукта.

В общем-то он всегда слушал эти разговоры, уже будучи, скажем так, слегка не в себе, да и особо не прислушивался, а сам в беседу старался не лезть, так как тогда его снесло бы на его ментовскую стезю – что делать, у каждого свое занятие, а значит, и большие темы свои.

Но, как выяснилось, все эти разговоры довольно основательно отложились в его голове, если он быстро сообразил, что у него в руке самый что ни на есть настоящий золотой песок,

вернее, шлих, но, судя по всему, содержание в нем золота было весьма велико. Андрей размял песок в руке и в этой массе нашел четыре тускло сверкнувших самородка, самый большой из которых был с лесной орех. Осмотревшись, он заметил еще несколько заводов и валунов, с помощью которых матушка-природа устроила самую настоящую промысловую колоду.

Он почему-то был уверен, что обследуй он остальные подобные заводы – и найдет там такую же картину, но проверять этого не стал, на нем были еще довольно крепкие армейские берцы, а не резиновые сапоги, так что рисковать не стоило. К чему? Сейчас это золото ему было нужно меньше всего, а заработать простуду было весьма реально.

– «Сбылась мечта идиота: ну вот я и миллионер», – почему-то вспомнились слова Остапа Бендера из «Золотого тельца».

Сдвинувшись немного вдоль берега и найдя нормальный песок, он быстро оттер, насколько это было возможным, свою посуду и, набрав в нее воды, пошел к уже прогоревшему костру. Угли прогорели не все, поэтому огонь он развел довольно скоро и водрузил над ним на уложенные рядом два камня цинк, чтобы прокипятить его.

Пока вода закипала, он решил заняться своим арсеналом. Все оружие ему было без надобности, поэтому, оставив АКМС, СКС, «макаров» с резьбой под глушитель и «стечкин», остальное он опять упаковал в мешки, как было, и уложил в ящик. Из ножей оставил только один, а вопрос о том, что делать с шашкой, и вовсе не обсуждался: она также отправилась на прежнее место. Из боеприпасов он оставил цинк патронов к АК и половину цинка патронов к ПМ. Кстати, патроны к пистолетам его удивили, так как были не привычной конструкции со стальным сердечником, а старой модификации, уже снятой с производства, со свинцовым сердечником, пуля была несколько тяжелее, и пробивная способность у нее была повыше. Вероятно, патроны Волков добыл на том же складе НЗ, иначе объяснить наличие этих патронов Андрей просто не мог. Также он отложил четыре Ф-1 и столько же РГД-5 с запалами к ним.

Проведя таким образом ревизию, он приступил к доведению оставшегося вооружения до нормальной кондиции. Оттер от лишней смазки и почистил его. Так как масла не нашлось там, где им и положено быть, в подсумках к магазинам, но были пусты, то он воспользовался вместо ружейного масла моторным. В этом преимущество старых авто: когда двигатель начинает есть масло, то любой уважающий себя автомобилист возит с собой не меньше литра масла на долив. Андрей возил два. Себя-то он уважал, но уважить двигатель ремонтом было для него дороговато, а так как движок еще терпел, то ремонт откладывался на неопределенное будущее.

Так, в заботах по приготовлению пищи, по приведению в порядок своего арсенала, прошло время. Солнце уже клонилось к закату, когда он начал хлебать получившуюся мясную похлебку, приправленную несколькими картошинами. Варено – оно конечно, получилось вполне на уровне, но только сильно сказывалось отсутствие соли. Ну да на безрыбье и рак рыба.

Облизав ложку, благо таковая нашлась в инструментальном ящике (что она там делала, Андрей так и не понял – возможно, младшенькая, как всегда руководствуясь только ей понятной логикой, определила ее в это место), он откинулся спиной на переднее колесо, после чего со вкусом закурил, отметив про себя, что сигарет осталось только полпачки.

– Ну что, дружище. Сколько раз тебе говорила жена, чтобы бросал курить? Тяжко было, соблазнов много, ну да здесь не соблазнишься. Нету здесь сигарет, и, судя по климату, табачку тоже нема.

Про семью он вспомнил совсем напрасно. Под ложечкой засосало, но не так, как бывало при выбросе адреналина от пережитого страха, а как-то тоскливо, отчего его даже стало подташнивать. Он всегда считал себя мужчиной – да, он был трусоват, но каждый раз находил в себе силы переступить этот страх, – но сейчас Андрей заплакал. Нет, он не ронял молча скупую слезу, он именно плакал. Плакал навзрыд, выворачивая наизнанку душу. Куда он попал и за что ему все это?

Да, он заметил за сегодняшний день, что ни одна из его болячек, которые для него были уже давно привычны – он просто забыл время, когда бы у него что-нибудь не болело, – не потревожила его. Питался он за сегодняшний день, скажем так, не самым лучшим образом, но привычная изжога не пришла, и мало того, не было уже привычного расстройства живота. Не иначе как молния каким-то причудливым образом исцелила его организм и усилила регенерационные способности. Но зачем ему это здесь?

Все его родные, все то, что он любил, смысл его жизни и то единственное, что останется после него – его любимые дочки, – были там, на далекой и недоступной Земле, а он был здесь. Где? И сам-то он не знал. Поэтому он плакал, не стесняясь даже самого себя, смывая потоком слез все то, что наболело за сегодняшний день. И как ни странно, ему полегчало – не сразу, а как минимум через полчаса, – но полегчало. Жалость к самому себе ушла куда-то, оставив после себя спасительную пустоту.

Утерев в последний раз глаза и в последний раз всхлипнув, он осмотрелся вокруг. Солнце (а солнце ли?) уже скрылось за вершинами гор, дневной спутник также приближался к очерченному горой горизонту, но теперь он стал ярче, отражая солнечные лучи на фоне уже потемневшего небосвода и сам одаривая землю своим бледным светом.

Андрей внимательно посмотрел на появившиеся мигающие звезды и грустно улыбнулся. Нет, он не любил астрономии и, мало того, регулярно пропускал занятия и никогда не учил задаваемого материала, а оценку в аттестат заработал тем, что сумел оказать услугу физику, который и вел у них этот предмет и также считал его абсолютно бесполезным для дальнейшей жизни, – так, для общего развития, не больше.

Но Андрей сотни, тысячи раз в своей жизни смотрел на звездное небо (а кто не смотрел?) и сейчас четко осознавал, что эти звезды не могут быть звездами, которые он знал. Вернее, звезды-то, возможно, были теми же, но нигде он не видел, чтобы они сложились, хотя бы отдаленно, в знакомые созвездия. Откуда он это знал? Ведь он с большим трудом мог найти только созвездие Малой Медведицы. А вот знал, и все тут. Он не просто знал – он помнил расположение всех звезд, которые видел. Откуда? Это вопрос. Возможно, молния всколыхнула не только иммунную систему, но и мозг.

Ученые утверждают, что человек не в состоянии забыть что-либо, что он увидел или услышал, просто эта информация уходит на задворки памяти, но она записана в мозгу почище чем на жестком диске компьютера. Человек же обходится лишь самой малой долей своей памяти, даже те, кто систематически занимается зарядкой для мозгов, и даже гении используют лишь малую часть от возможностей мозга.

Начало холодать, и Андрей зябко повел плечами. По случаю предстоящего мероприятия по погребению арсенала он не одевался тепло, да и октябрь выдался довольно теплым. На нем был надет армейский камуфляж, армейские же ботинки и бушлат без подстежки и воротника. А в горах с уходом солнца холодало довольно сильно и летом, что уж говорить о весне.

Он попытался запустить двигатель, чтобы прогреть салон, но это былдохлый номер. Приборная панель даже не откликнулась хотя бы слабым свечением – вероятно, молния напрочь вывела из строя аккумулятор.

Разложив сиденья, Андрей закутался в старое одеяло, которым Артур накрывал ящики, и, положив поблизости оружие, лег спать. Как ни странно, сон пришел сразу же. Вот только снов Андрей не видел.

Глава 3

Встреча

Проснулся он на рассвете и, как ни странно, с абсолютно ясной головой. То есть он не задавался вопросом: где он и что с ним случилось, – он все это прекрасно помнил и уже успел смириться с произошедшим. Конечно, в душе сидела тоска, но с этим ничего не поделаешь, это теперь останется с ним навсегда, и он просто принял это как данность. Несомненно, был определенный дискомфорт оттого, что за прошедшую ночь он все же продрог, но с этим пока ничего не поделаешь.

– Ну что же, раз уж мы стали робинзонами космоса, то неплохо бы было выработать план последующих действий. Первое. Надо бы чего-нибудь пожрать приготовить, а по ходу и думать будем.

Он приступил к приготовлению нехитрого завтрака, благо мяса после вчерашнего у него было в достатке. В прошлый раз он обошелся только одной задней ногой. Начав процесс разделки мяса, заготовки дров и розжига огня, он продолжал разговаривать сам с собой. Он просто не мог иначе, так как ему было необходимо слышать хоть чей-то голос.

– Итак, что мы имеем? А имеем мы самый что ни на есть минимум с одной стороны, но с другой-то – не так уж и мало. Я неплохо вооружен, я бы даже сказал – до зубов. Оно конечно, патроны не бесконечны. У меня сейчас четыре тысячи двести, стоп... уже четыре тысячи сто девяносто восемь патронов к карабину. Почему к карабину? Да потому что, батенька, вам предстоит пользоваться только карабином, автомат – это так, на случай появления врагов, а на зверье – только карабин, оно поэкономичней будет, запаса прочности ствола вполне хватит, при должном уходе. И также мы имеем две тысячи пятьсот шестьдесят патронов к пистолету. Куркуль Волков, ого, а вы и фамилию Артурова шефа, оказывается, помните, да-а, в общем, не купил он, гад, стандартную кобуру к «стечкину», а то бы пристегнули приклад – и у нас еще один карабинчик получился. Та-ак, а теперь еще картошечки почистим. Стоп. Какая картошечка? Вы наблюдаете поблизости рынок или магазины? Вот то-то и оно. Вся картошечка переходит в семенной фонд, и никаких возражений. А какие, собственно говоря, возражения? Весну и лето мы худо-бедно перебедем, охота, ягоды, грибы, а вот ближе к зиме... Там и до голода может оказаться рукой подать. Нет. Картошка – это стратегический запас, недаром же она вторым хлебом зовется.

Так, ведя беседу с самим собой, он приготовил завтрак. Похлебав наваристый бульон и съев несколько кусков мяса, он вполне насытился. Но с остатками нужно было что-то делать. Днем солнышко припекало прилично, и мясо вполне могло начать отдавать душком.

Как закоптить или завялить мясо, он не знал даже приблизительно, не помогала и вдруг обнаружившаяся феноменальная память – ну не интересовался он этим никогда. Как говорил его преподаватель по тактике в военном училище, «хреново вспоминать, когда не знаешь».

Но знал он абсолютно точно, что запеченное мясо хранится довольно продолжительный срок, а слишком долго ему храниться все равно не придется. Организм требовал пищу регулярно.

Быстро изготавив из веток шампур, он нарезал мясо, и вскоре над поляной поплыл дразнящий аппетит запах жареного. Поддаваться искушению Андрей не собирался. Это был, так сказать, сухой паек, так как сидеть на одном месте он не собирался.

Нет, за прошедшее время в поле его зрения не попало никаких следов цивилизации, но и сидеть на одном месте было тоже неразумно. Построить жилище он еще успеет, он даже знал, из чего приспособит топор. Одна из лопат, положенных Артуром в багажник, была большой

саперной и сделана была из куда более толстого металла, чем вторая, представлявшая собой обычную штыковую.

Однако осмотреться вокруг было попросту необходимо. Не то окажется, что он решил устроить робинзонаду вблизи какого-нибудь поселения местных аборигенов, которые на поверку окажутся вполне миролюбивыми. А нет – так какая разница, раньше или позже – все едино придется с ними столкнуться. Сейчас он и смерти-то не боялся, а может, подсознательно и желал ее, в противовес такой вот жизни.

Сельскохозяйственные планы тоже не страдали: судя по всему, у него в запасе была еще пара недель. Вон по утрам даже иней наблюдается. Картофель-то не подморозит, а в землю ему еще рановато. Так что по всему выходило, что нужно было обследовать прилегающую территорию, да и, возможно, нашлось бы куда более пригодное место для жилья. А перенести свои пожитки всегда можно.

Приняв для себя этот план действий, Андрей приступил к подготовке похода. По большому счету, он начал это еще вчера, упаковав все лишнее обратно в ящики.

Выкопав яму, он стащил в нее оба ящика и, забросав землей, выложил сверху предварительно срезанный дерн. Оно конечно, пришлось повозиться, оттаскивая в сторону землю, но рисковать своим арсеналом понапрасну он не хотел. Внешним видом схрона он остался вполне доволен. При детальном осмотре он, конечно, в глаза бросался, но на общем фоне был не так уж и заметен, тем более что копал он немного в стороне от авто, так как уж машина-то в глаза просто лезла.

Вытряхнув прямо в багажник картошку из уже вскрытого мешка, он приспособил к нему лямки, пустив на это дело один из ремней безопасности. Получился эдакий вещмешок, в который лег его нехитрый скарб, включавший в себя автомобильную аптечку, остатки жареного мяса и пластиковую бутылку из-под нарзана, в которую он на всякий случай набрал воды.

Так за заботами прошел день. Он даже не заметил, как остался в темноте перед горящим костром. Как-то так получилось, что пообедать он не удосужился и сейчас усиленно поглощал то, что приготовил еще утром. На солнце-то было довольно тепло, но бульон с отварным мясом не скисли, предусмотрительно уложенные под днищем машины, куда солнечные лучи никак не могли пробраться.

Покончив с ужином, Андрей, недолго думая, улегся спать. А что было еще делать? Телевидения здесь нет, собеседников тоже не наблюдается. Так что с наступлением темноты и дел-то у него не было никаких, а силы ему завтра еще ой как понадобятся.

Утро ничем не отличалось от вчерашнего. Все так же продрогший, он быстро ополоснулся в ручье, отметив, что на лице значительно подросла щетина, ну да с бритвой он определится как-нибудь потом, а может, и вовсе будет носить бороду. Порадовало его то, что и обгоревшие волосы на голове и лице также дали поросль. Ну не полысел – и то ладно. Зимой-то будет не сахар, и данная природой защита вовсе не станет лишней.

Надев броник и подогнав его, не халтуря, как это бывало в милиции, а вполне серьезно и вдумчиво, как в горах во время первой чеченской, он проверил, не стесняет ли тот движений: есть немного, но вполне терпимо. Так как броня вдобавок еще и грела, да и попотеть предстояло изрядно, то куртка пошла в мешок, тот, в свою очередь, – на законное место, за спину.

На поясе разместились слева – подсумок с магазинами, справа – «стечкин» и охотничий нож. Ремень АКМС со сложенным прикладом – через голову, так чтобы, в случае чего, можно было воспользоваться оружием. Все, готов.

– Как говорится, вперед и с песней, – подбодрил сам себя Андрей и направился вниз по течению речки, к выходу из маленькой долины, образованной подковообразной горой.

Уже когда подходил к нижнему краю поляны, вдруг подумал о том, что сигареты вышли еще вчера, а сейчас почему-то и курить неохота. Неужели так легко получится завязать с этим поганым делом? Или все дело в том, что мозг давно уяснил информацию о том, что табуку

здесь нет, а потому решил не травмировать лишний раз нервную систему. Возможно, причина в том, что молния оказала свое влияние и в этом. Да что бы то ни было, не пухнут уши – и на том спасибо.

За срезом поляны лес начинался сразу же, без каких-либо переходов из отдельно стоящих деревьев. Вот здесь поляна, без единого деревца, а вот здесь уже сплошная стена леса. Радовало хотя бы то, что это был сосняк, и видимость была вполне приличной, что-то около пятидесяти метров.

Чтобы не заморачиваться с маршрутом, решил идти вдоль правого берега реки. По идее, эта река должна впадать в большую, а та в следующую, и так далее по возрастанию. Только бы не начала петлять, как это любят делать все горные речушки, не то придется либо путь увеличивать в несколько раз, либо раз за разом устраивать переправы. Оно конечно, сейчас с этим особых хлопот не было, но, не пройдя и пары сотен шагов вдоль берега, он уже обнаружил два впадающих в Золотую, как он окрестил речку, ручья, а значит, уровень воды хоть пока вовсе и незаметно, но увеличился, дальше могло быть гораздо хуже.

Как говорится, накаркал. Золотая резко вильнула вправо, устремляясь по распадку. А чего еще от нее ждать, вода – не лось, продирающийся сквозь чащу в одном только ему известном направлении, она порядок любит, а потому если есть более пологий путь, то по нему она и пойдет, в горку она только по принуждению может. Чтобы не петлять за руслом, решил двигаться на юг. Общий уклон горы был именно в южном направлении, а значит, и Золотая никуда не денется, сделает петлю и вернется.

Хорошо, хоть берега были пологими и не требовали акробатических навыков или особых силовых упражнений. Остановившись на несколько секунд, Андрей ловко запрыгнул на первый валун, лежащий в воде, затем на второй. Третьего не было, и нужно было сделать прыжок метра в полтора, в принципе немного, но вот только не с его весом в сто десять кило, да еще всякой хрени на нем кило на тридцать.

– Эх, Андрей Михайлович, говорила вам супруга: «Займись спортом, посиди на диете, ведь вон толстеешь не по дням, а по часам», – все отмахивались. Ну что, прыгаем? – Вопрос был риторическим, но молчать было выше его сил, и потому он, тихо бубня под нос, таким образом подбадривал себя.

Прыжок вышел не ахти. Приземлился чуть не на четыре лапы, но не замочил ног – и на том спасибо. А ведь было время, когда он такие препятствия брал с ходу и не задумываясь.

До обеда он успел пройти около пяти километров и переправиться через речушку еще четыре раза. При последней переправе он обратил внимание на то, что речка-то все же в объеме несколько прибавила: сбывались его прогнозы – речушка росла.

Поменялся и характер леса. Постепенно светлый сосняк сменился лиственными деревьями, и видимость резко снизилась – от тридцати до десяти метров, в зависимости от плотности деревьев и подлеска.

Андрей решил уже было пообедать, но тут вдруг услышал какой-то странный звук. Не то хрип, не то рык какого-то зверя, который, не прекращаясь, то усиливаясь, то звуча более приглушенно, раздавался где-то впереди. Если бы хищники умели смеяться, то смеялись бы именно так. Андрей мог с уверенностью заявить, что до источника звука не более ста шагов. Откуда эта уверенность могла взяться у человека, не имеющего опыта лесовика и вообще в лесу бывавшего несколько раз, да и то на пикниках, – он не мог объяснить, но в своей правоте был уверен абсолютно.

Первым порывом было бежать без оглядки. Кто бы ни издавал эти звуки, встреча с ним не обещала ничего хорошего. Между лопатками тут же потек ручеек холодного пота, на лбу выступила испарина. Он уже сделал шаг назад, но тут же остановился.

«Стоять! Телячья немочь! Мать твою! Ты же затеял этот поход, чтобы осмотреться и понять, в каком мире тебе предстоит жить. Или собираешься и дальше шараться от каждого

шороха? Так и с ума сойдешь. Уж лучше сразу пусть кранты, чем превратиться в полоумную зверушку, может, там какая-нибудь жаба местная забавляется, а ты в штаны готов уже наложиться... – Но бодрости эти мысли почему-то не добавили. – Ладно, давай так. У тебя есть оружие, и в случае чего ты успеешь что-нибудь предпринять. Что, не убедительно? Ну и хрен с тобой, а все одно нужно идти вперед».

Видимость была никакая, но и выбора особого тоже не было. Скинув ремень, чтобы быть поподвижнее, он взял на изготовку автомат, откинул приклад – чай, не командос бить без промаха с руки. Пригнувшись, он направился в сторону звука, внимательно осматриваясь и не забывая поглядывать под ноги, чтобы, не привести господи, не наступить на какой-нибудь сучок.

Когда он сделал только один десяток осторожных шагов, до него донесся новый звук, который заставил его замереть, словно камень. Это был крик. Именно – человеческий крик. Так кричит очень напуганная и испытывающая сильную боль женщина – именно женщина или даже девушка, ошибиться он никак не мог.

С трудом справившись с охватившим его страхом и стараясь все так же не производить шума, Андрей продолжил путь в сторону раздающихся криков, правда, в них уже не было первоначального надрыва, но крики продолжали раздаваться, теперь к ним стали примешиваться рыдания. Затем он услышал уже знакомые хрипы, похожие на звериный хохот, но только на этот раз он раздавался из нескольких глоток.

«Та-ак. Было плохо, стало еще хреновей. Не один, а несколько. И что это меняет? А ни хрена это не меняет. Все одно нужно идти вперед. Если там действительно женщина, то, значит, здесь есть люди, а если это так, то она тебе просто необходима как источник информации. Значит, придется биться».

Сделав для себя этот малоутешительный вывод, Андрей быстро сбросил «вещмешок». Раз уж придется биться, нужно обеспечить максимальную маневренность, коей мешок будет однозначно мешать.

Держа оружие на изготовку, он двинулся дальше, осторожно раздвигая листву деревьев. Звуки все приближались. Женщина уже не кричала, только подвывала сквозь рыдания. Судя по звуку, это было уже рядом.

В последний раз разведя листья стволом автомата, Андрей увидел перед собой небольшую округлую, не больше пятидесяти метров в поперечнике, полянку, на которой кучкой сидело около десятка людей, по виду связанных. Но не они заставили его буквально остолбенеть от удивления, а те, кто был их тюремщиками.

Нет, он, конечно, много читал романов в стиле фэнтези и успел, как говорится, вычитать множество описаний всяких там гномов, эльфов, орков. Но чтобы вот так, воочию увидеть этих самых орков? Что самое интересное, никто другой на ум почему-то не шел – именно орки.

Существа, обнаруженные им на поляне, вполне походили на людей, разве только все ростом около двух метров. Кожа их была не зеленой, как принято считать всеми подряд писателями, а медно-красной. В общем, своим обликом они полностью походили на людей, вот только лица или, точнее сказать, морды... Приплюснутый, как пятак у свиньи, нос, впрочем, скорее нечто среднее между пятак и вывернутыми наружу ноздрями гориллы, выдвинутая вперед челюсть с клыками, сверху и снизу выступающими за пределы тонких губ, едва прикрывающих крепкие зубы. Маленькие пороссячьи глазки под массивными надбровными дугами. Волосы, подстриженные под ежик на манер гребней на античных шлемах, шли ото лба до конца шеи, как грива у лошади. Рук отсюда он рассмотреть не мог, но был уверен, что на пальцах вместо ногтей обнаружатся самые настоящие когти.

На полянке наблюдалось четверо особей, стоявших рядом и хохотавших от души. Именно этот звук и слышал Андрей. Вид у этой четверки был весьма колоритным. Все они были в доспехах. Да-да, именно в доспехах. Всех деталей рассмотреть он не мог, но то, что это доспехи

и что они сделаны из кожи и металлических пластин, сомнений не вызывало. Каждый из них был вооружен ятаганом с широким изогнутым лезвием, который висел на поясе. Также на поясе у каждого были ножны с довольно внушительным ножом. На одном из них был металлический остроконечный шлем с полумаской, оставляющей открытой только челюсть. А смеялись они над пятым, который, привязав к поваленному дереву девушку, спустил штаны и, пристроившись сзади, ритмично работая задом, удовлетворял свою похоть, или сбрасывал напряжение, это уж как кому.

Все было понятно как дважды два. Вот враги, а вот люди, и чью он должен занять сторону – попросту не обсуждалось, все приоритеты расставились сами собой.

Но едва он решил взять на прицел отдельно стоящую четверку, как сверху на него что-то свалилось, что-то большое и сильное, так как, обхватив его вокруг тела, оно настолько сильно сдавило его, что разом вышибло из легких весь воздух. Перед глазами поплыли радужные круги, в ушах послышался уже знакомый хохот орка, но только в такой близости он был еще более отвратным, скрипучим и продирающим душу до самого основания и конечно же страшным, до дрожи в коленях, до полного расслабления кишечника и мочевого пузыря.

Орк, схватив Андрея, не стал валить его на землю, а так и оставил стоять на ногах, разве только заставив выпрямиться. Обхватил он не только тело, но и прижал стальными обручами своих объятий к этому самому телу руки Андрея, так что тот мог шевелить только кистями. Как Андрей умудрился не выронить автомат, для него оставалось загадкой, так как в ужасе он просто остоленел, боясь даже попытаться сделать вдох, хотя тело вопило о необходимости пополнения кислорода.

Как ни странно, но в себя его привела вонь. Нет, не та вонь, что исходила от орка. Эту вонь он не мог спутать ни с чем другим. Это воняло его дерьмо, покинувшее кишечник и растекшееся под штанами. Едва осознав это, Андрей буквально взбесился. Нет, его злость была направлена не на орка – он был взбешен на самого себя.

Злобно прохрипев, при этом расходуя последние остатки воздуха, он изо всех сил сжал рукоять автомата и, немного поведя стволом, направленным в землю, во что-то уперся. Не почувствовав ничего, убедился, что автомат упирается не в его ногу, а затем три раза подряд нажал на спуск.

Злобный хохот сменился воплем боли. Хватка ослабла, и Андрею удалось высвободиться. Не отдавая себе отчета, еще только делая первый судорожный вдох, он сумел извернуться и оттолкнуть от себя орка, который тут же начал заваливаться набок, не в силах удержаться на ногах, так как его правая ступня была практически разорвана. Все это Андрей фиксировал как-то отстраненно, словно наблюдал со стороны.

Орк еще не успел закончить своего падения, когда Андрей, мгновенно вскинув автомат и практически оперев ствол ему в грудь, сделал еще три выстрела, отчего его противника буквально отбросило, опрокинув на спину.

Все так же действуя по наитию, он быстро обернулся и, вскинув к плечу металлический приклад автомата, навел ствол на застывших от неожиданности орков и, поймав в прорезь прицела стоявшего в центре, надавил на спуск. Он успел заметить, как над головой орка взвилось бурое облачко разлетающихся в стороны крови и мозгов, он успел еще удивиться этому, так как целился в грудь врага, а затем перевел огонь на другого.

Однако это был самый удачный его выстрел. Как ни неожиданно все произошло, но надо отдать оркам должное – в себя они пришли весьма скоро. Уже следующий выстрел застал их в движении по направлению к внезапно возникшей опасности, выхватившими из ножен ятаганы, а потому пуля ушла в белый свет как в копеечку.

Орки приближались стремительно, двигаясь как быстро, так и плавно, выверенно, не делая ни единого лишнего движения. Продолжая раз за разом давить на спуск, Андрей мыс-

ленно сравнил их с хищником, бросившимся в стремительную и вместе с тем грациозную атаку, выглядящим еще более красиво, чем до момента атаки.

Но все это автоматически отмечал мозг, тело же независимо от него продолжало жить своей жизнью, руководствуясь своей волей, и сейчас эта самая воля вопила о том, что монстров нужно уничтожить, пока они не добрались до него.

Второго орка он положил на десятом выстреле, третьего на двадцать третьем, четвертого достал последним патроном, стреляя уже в упор. Попавшей в грудь пулей орка не просто оставило, а даже немного отбросило назад. Тот ненадолго замер на месте, недоуменно смотря на свою грудь, словно удивляясь чему-то, а затем, взревев как раненый зверь, вновь бросился на противника.

Как ни краток был миг возникшей паузы, но Андрею достало времени выхватить «стечкина» и поднять его на уровень груди. Поэтому едва начавший движение орк вновь нарвался на стальной подарок, а затем на другой, третий, четвертый, с каждым разом отступая на шаг назад. Попадания четвертой пули он все же не выдержал и рухнул на траву, заливая ее алой кровью. Андрей еще успел удивиться тому, что кровь красная: ведь во всех прочитанных им книгах орки описывались зеленокожими и зеленокровными.

Но пока мозг изощрялся в проведении аналогий и сравнительном анализе, тело продолжало действовать независимо от него.

Последний монстр, на удивление быстро натянув штаны, уже бежал к Андрею и, находясь на расстоянии не меньше тридцати шагов, метнул в него свой страшный тесак. Нужно отдать ему должное: ни проворством, ни мастерством, ни силушкой он обделен не был. Нож точно ударил в центр груди Андрея, выбив из него дух и заставив, чтобы не упасть, сделать шаг назад, но титановая пластина с легкостью выдержала этот удар. Поэтому единственное, чего смог добиться орк, – это того, что уже готовый нажать на спуск Андрей замешкался и дал возможность противнику приблизиться еще на десяток шагов и обнажить ятаган.

Зарывав не менее свирепо, нежели его противник, взбешенный Андрей нажал на спуск и стрелял безостановочно, пока патроны в магазине не закончились и затворная рама не замерла в крайнем заднем положении, обнажая ствол пистолета. Противник Андрея уже лежал на земле, и последние пять выстрелов были произведены в лежащее и извивающееся в агонии тело.

Все еще на автомате, Андрей выщелкнул пустой магазин, вставил полный и начал поочередно обходить своих недавних противников, производя контрольные выстрелы в голову. При этом в мозгу его постоянно крутились слова их инструктора в центре переподготовки, еще когда он служил в погранвойсках: «Мы здесь готовим вас не для соревнований, ваша задача будет не в том, чтобы выиграть, а в том, чтобы выжить. А потому запомните: не существует ни запрещенных, ни недостойных приемов, использовать можно буквально все; если вас скрутили так, что ни рукой, ни ногой пошевелить не можете, а перед вашим лицом яйца врага – не думайте ни о чем, хватайте его зубами за яйца, так чтобы откусить их на хрен. И нечего смеяться. Ничто не западло. Западло валяться в грязи и совсем мертвым. И запомните – никогда, ни при каких обстоятельствах не оставляйте врага за спиной без контроля, пусть он трижды мертв, – только контроль гарантирует вашу безопасность».

Когда с контролем было покончено, Андрея вдруг затрясло, ноги подогнулись, и он опустился на пятую точку, тяжело при этом дыша. Вспомнились слова одного его знакомого медика о том, что это всего-навсего переизбыток адреналина и такая реакция организма вполне нормальна. Может, это и так, но вот только самочувствие у него сейчас было из рук вон. Хотелось блевать, а еще выпасть в осадок и лежать так без движения до скончания веков.

Постепенно его отпускало. Адреналин рассасывался. Начали ныть ребра – последствия братских объятий орка. Заболела грудь, куда угодил брошенный нож: все же силен, ничего не скажешь. Заработали и другие органы – слух уловил возню со стороны все еще связанных

пленников. Во рту ощущался привкус кислоты, хотя он и сумел сдержать рвоту, но немного, видимо, все же поднялось до ротовой полости. Вот и обоняние вернулось, и он вновь ощутил запах своего дерьма, теперь разгвазданного не только по ягодицам, но и по ногам.

«Как там говорил прапорщик Дыгало в фильме «Девятая рота»: «Можешь сопли на кулак мотать, можешь маму звать, в штаны ..., а поставленную задачу должен выполнить. Умри, но сделай». Ну что же, в актив нам, мы тоже сделали. Вот только где бы штаны постирать? И побыстрее».

– Сэр рыцарь... – Внезапно раздавшийся хриплый голос со стороны связанных людей ничуть не встревожил Андрея – он почему-то даже не сомневался, что обращаются именно к нему.

– Чего тебе?

– Сэр рыцарь, вы убили их всех?

– А сколько их было?

– Оставалось шестеро.

– Значит, всех, – все так же равнодушно ответил он.

– Сэр, вы не развяжете нас?

И тут Андрей вдруг подскочил как ужаленный. Он вдруг осознал, что с ним разговаривают, и мало того, он понимал речь и сам отвечал!

Обернувшись, он наконец обратил внимание на людей. Их оказалось больше десятка. Четверо мужчин и пять женщин сидели в кружке, среди них были видны четверо детей возрастом около десяти лет, два мальчика возрастом до четырех, и одна из женщин связанными руками удерживала у груди младенца-грудничка.

Глядя на них, он вдруг что-то вспомнил, но никак не мог сообразить, что именно. Вид полоняников что-то напоминал, вызывал какие-то ассоциации, но какие? И тут его осенило. Именно так выглядели на реконструкциях люди в средневековой Европе. Та же одежда, те же прически и вообще весь внешний облик. Ну ни дать ни взять люди из эпохи Ричарда Львиное Сердце. Все выглядели типичными крестьянами, вот только тот, что обращался к нему, был одет более богато – не в серую полотняную рубаху, а в камзол лилового цвета, правда, из-за того, что все завязки были порваны, камзол был распахнут, выставляя напоказ изорванную, перепачканную бурыми пятнами некогда белую просторную рубаху.

Крестьяне затравленно поглядывали на него – похоже, боялись больше, чем своих недавних конвоиров. Те-то были понятными, можно сказать, привычными. А вот это чудо-юдо, едва появившись, начало гроыхать, как гром среди ясного неба, и положило всех врагов. Что-то ждет их?

– А ну-ка скажи еще что-нибудь.

– Что сказать, сэр? – растерянно проговорил мужчина в камзоле.

Но Андрею больше ничего говорить было не надо, он все вдруг отчетливо понял. Нет, не зря все же его учителя в школе, потом в училище и, наконец, на курсах переподготовки гоняли и в хвост и в гриву, заставляя учить английский. Он, конечно, потом все благополучно забыл, вернее, думал, что забыл. Оказывается, его мозг бережно хранил всю информацию с, прямо скажем, неплохим словарным запасом, который время от времени пополнялся на протяжении долгих лет; этому, оказывается, способствовали и сотни раз виденные голливудские фильмы с синхронным переводом. Потому что тот язык, на котором с ним заговорил мужчина, был именно английским. Да, он был каким-то архаичным, некоторые слова были непонятны, и угадывался только общий смысл, но это был именно английский.

Удовлетворенно кивнув своим мыслям, Андрей молча подошел к связанным и, воспользовавшись ножом одного из орков, перерезал путы на том самом мужчине в камзоле.

– Тебя как зовут?

– Эндрю Белтон, купец.

- Тетка, значит. Вот что, Эндрю, ты пока развяжи остальных, а я тут отойду ненадолго.
- Слушаюсь, сэр рыцарь.
- Ну-ну.

Оставив спасенных разбираться в ситуации самостоятельно, Андрей отошел к месту схватки, подобрал автомат и, перезарядив оружие, направился туда, где оставил все свое снаряжение.

Мешок он нашел именно там, где и оставил. Увидев пробегающий рядом ручей, он удовлетворенно кивнул, но в первую очередь позаботился о снаряжении опустевших магазинов, и только когда оружие было приведено к бою, скинул штаны и трусы и стал простирывать их в холодной родниковой воде, помогая себе в этом деле песком.

«Да-а, а обделался я капитально – словно кило пургена съел. Вот дерьмо, в эту воду ведь садиться придется. Ну и хрен с ним. Мало того что трое суток на природе и без помывки, так еще и обгадаться умудрился; знал, как гадить в штаны, – теперь лезь в воду и не выпендривайся. О черт, холодная-то какая, а ну-ка вот так, вот так, быстрее. Ух, падла, так и простатит заработать можно. Все, хватит».

Выскочив из воды, он тоскливо посмотрел на хотя и отжатые, но все еще мокрые штаны и трусы. На улице не май месяц, а потому когда все это просохнет – непонятно. На небе, оно конечно, ни тучки, но, во-первых, под деревья солнышко не больно-то и попадает, так что просохнуть перспективы слабенькие. Во-вторых, нужно думать, что если здесь нашлись шестеро свинорылых, то могут найтись и другие их собратья. В общем, мотать надо отсюда, и побыстрее.

Радовало то обстоятельство, что он обнаружил людей, а это значит, что возник шанс не просто сгинуть в полном одиночестве, – теперь появился смысл продолжать жить: вокруг как-никак люди. А Средние там века или нет, это не имеет значения, не имеет значения и тот факт, что с ним заговорили на английском. Потом, все потом. Сейчас нужно быстренько дистанцироваться от этого места.

Когда он вернулся на поляну, то увидел, что орки, оказывается, путешествовали не налегке. У них был целый караван из семи лошадей с волокушами, нагруженными с горкой – видимо, добычей, – и шесть лошадей под самыми настоящими седлами, правда, немного непривычной конфигурации, но все же седлами со стременами. Еще к седлам были приторочены двухметровые копыя, деревянные щиты, обитые по краю железом, и саадаки с луками и стрелами. По-видимому, раньше он их не рассмотрел, так как те были за деревьями.

Трупы орков лежали там же, где он их оставил, но вот только они были абсолютно нагими, благодаря чему Андрей вновь сумел убедиться в схожести их с людьми. Куда девалась их одежда, большой загадкой не было. Крестьяне сноровисто упаковывали снятое барахло во выюки на волокушах.

– Сэр, мы тут немного позаботились о вашей добыче. Все готово, можем ехать, – подошел к нему все тот же вездесущий Эндрю, бросая понимающий взгляд на мокрые штаны Андрея.

И тут Андрей обратил внимание, что женщина, которую насиловал орк до его появления, все так же привязана к дереву, но она больше не шевелилась.

– А что с ней?

– Она мертва. Царствие ей небесное, сохрани Господь ее душу. Ваше оружие, порождающее гром и пламя, вероятно, случайно поразило ее.

– Понятно. Ее нужно похоронить... – И тут, чтобы проверить свою догадку, он закончил: – Как подобает христианке.

– Я прошу прощения, но на это нет времени.

Андрей отметил, что его слова не вызвали ни капли удивления, а, наоборот, восприняты как сами собой разумеющиеся. Еще и христиане. Как говорил один его знакомый, «чем дальше, тем страньше и страньше».

– А мне плевать. Нет времени сейчас – найдется позже. Привяжите ее к волокуше, – вдруг вспыхнул Андрей.

Когда его распоряжение было выполнено, он направился в ту сторону, откуда пришел, то есть на север, и тут услышал за спиной тихий кашель, и все тот же Эндрю проговорил:

– Господин, сэра, но нам в другую сторону.

– Что ты хочешь этим сказать? – Оказавшись в роли лидера, хотя и поневоле, Андрей решил ни в коем случае не упускать лидерства. Как бы дальше ни сложилось, но быть крестьянином и пахать на какого-нибудь феодала, а судя по всему, у них тут самый настоящий феодализм, он не собирался. И потом, у него там на склоне горы находится небольшой арсенал, который необходимо забрать. Оно конечно, можно и самому – имея лошадей, соорудить волокушу недолго. Но вот только мысль о том, чтобы остаться одному, ему совсем не нравилась.

– Ведь Яна на юге.

– А мне нужно на север.

– Но там ведь орки!

«Ага, все-таки орки, – почему-то подумалось Андрею. – Так, надо как-то утащить этих олухов с собой. Без них мне точно кранты. Не орки сожрут – так сам с ума сойду».

– Вы можете идти куда хотите, а мне нужно сначала на север, – жестко отрезал Андрей.

Видимо, перспектива остаться одному в компании крестьян, которые уж точно не являлись бойцами, Эндрю совсем не нравилась, так как тот, обреченно вздохнув, направился раздавать распоряжения сэра рыцаря.

Вскоре кавалькада двинулась в обратном направлении. Склон горы не сказать что был крутым, нет, вовсе даже покатый – на таком на Земле даже комбайны могли работать, но для пешей прогулки он все же подходил мало. Прикинув в уме, сколько он шел сюда и сколько им предстоит двигаться обратно, Андрей четко понял, что засветло им никак не управиться. Ну да ничего страшного, а потом – при постоянном движении ему не грозит перспектива простудиться.

Глава 4

Царство Небесное

Вопреки опасениям Андрея, до поляны они добрались довольно скоро – хоть и затемно, но побыстрее, чем он рассчитывал. Помогло предложение Эндрю посадить женщин на лошадей, благо две из них были вполне миниатюрными, так что лошадь могла нести их без особого для себя ущерба.

Сбиться с пути не позволяла Золотая. Она никуда не делась, и оставалось только выдерживать общее направление вдоль реки.

На руку оказалось также и то, что среди мужчин только один был крестьянином, звали его Маран; второй был охотником по имени Жан, третий – кузнец – отзывался на имя Грэг, ну а четвертый, Эндрю, был торговцем.

Как только они углубились в лес, к Андрею тут же обратился Жан и попросил разрешения воспользоваться луком Андрея, для того чтобы добыть что-нибудь из дичи. Тогда, собственно, Андрей и узнал, что тот является охотником. И тогда же до Андрея окончательно дошло, что все имущество, захваченное у орков, принадлежит именно ему на правах добычи, остальные же лишь старались всячески оказать услугу человеку, спасшему их от верной смерти, потому что описания фантастов о приверженности орков к мясной диете и такому деликатесу, как человечина, полностью соответствовали местным реалиям.

Уже на поляне, насытившись сырой косулей, которую подстрелил Жан (разводить костер в землях орков все хором не советовали и даже умоляли Андрея последовать их совету, с чем он в конце концов согласился, благо у него в сидоре находилось жареное мясо), все вповалку улеглись спать.

Охранять в первую смену взялись Андрей и Эндрю. Этот тридцатилетний мужчина как-то сразу понравился Андрею, и, судя по всему, эта симпатия была взаимной.

– Слушай, Эндрю, а какой сейчас год?

– Вы смеетесь, сэр Андрэ?

– А зачем мне это?

– Не знаю. Впрочем, вы какой-то странный. Это ваше оружие и эта странная карета...

– Давай так, Эндрю, сейчас ты ответишь на мои вопросы, а потом, позже, я отвечу на твои. Идет?

– А когда?

– Не завтра, но я обязательно все тебе расскажу, даю слово.

– Я верю вам. Что ж, сейчас двухтысячный год от рождества Христова и восемьсот тринадцатый от обретения новой обители.

Та-ак. А ну-ка, суперпамять, что нам это дает? Итак, здешние сутки примерно на час больше, нежели на Земле, возможно, и год на несколько дней больше. Значит, здесь вполне могло пройти меньше полных лет по местному исчислению, чем на Земле, но тем не менее прошло одно и то же время. Отталкиваемся от 2000 года, получается 1187 год. Что было в этот год? Ты же любил историю. Точно: захват Саладином Иерусалима. Черт, точнее я никогда не интересовался, но, судя по фильму «Царство небесное», Саладин выпустил жителей из осажденного города. Голливуд – он, конечно, исторической правды никогда не придерживался, но в основном соврать не могут даже голливудские блокбастеры.

– Послушай, а вы случайно не из Иерусалима?

– Вы бывали в Иерусалиме?

– Нет. Но ты не ответил на мой вопрос.

– Иерусалим – священный город, родина наших предков. После того как он пал под ударами магометан, все христиане отвернулись от предков наших, и они неприкаянно бродили по равнинам Сирии. Тогда на пути отверженных теми, кто еще вчера называл их братьями во Христе, встал святой отец Иоанн, и повел он их за собой в землю обетованную, новое Царство Небесное, дарованное нашим предкам Господом Богом нашим за стойкость, проявленную ими при защите гроба Сына его Иисуса Христа, ибо сделали они все от них зависящее, чтобы защитить гроб Господень и Царство Небесное Иерусалимское, но силы были слишком неравными.

– Ишь ты. Выдаешь как по писаному.

– Но это и есть писание. Просто лучше на твой вопрос не ответить.

– Значит, у вас сейчас полное благолепие и Царство Небесное, ну за исключением орков?

– Человек слаб и легко поддается соблазнам. Согласно летописям поначалу люди жили мирно, строили города, возделывали землю, но затем в сердцах людских вновь проросли греховные помыслы, зависть, алчность, гордыня, и люди разделились. Так, враждуя друг с другом, они прожили не один год, а потом, разгневавшись, Господь оставил неразумных чад своих, чтобы они прозрели и исправились, а в назидание не стал противиться проискам лукавого, направившего против людей слуг своих, исчадие ада, орков.

– И насколько большие у вас города?

– В столице Англии, Лондоне, сейчас живет больше тридцати тысяч человек, это самый большой город людей.

– А сколько людей вообще живет в государствах людей?

– Много, очень много. Никто никогда не считал. Нет, конечно, графы ведут учет населения, но мне это никогда не было интересно.

– Но ты ведь знаешь, сколько людей живет в Лондоне.

– Не только в Лондоне, но и в Париже, там живет чуть меньше тридцати тысяч человек. В Гинзбурге живет примерно двадцать тысяч. Мне известно и еще о некоторых городах и графствах, где приходилось торговать. Для торговца это необходимо: там, где я торговал, мне известно не только сколько народу проживает, но и то, какой товар там более предпочтителен и в каком количестве, а какого лучше не везти. Торговец, не знающий этого, просто разорится.

– А сколько государств у людей?

– Три. Англия, Франция и Германия. Но Германия как бы не является единым государством, а состоит из множества маленьких княжеств, впрочем, это отнюдь не мешает им весьма быстро объединять силы для противостояния общему врагу. С германцами связываться себе дороже, так что их стараются не задевать лишний раз.

«Итак, судя по всему, какой-то монах каким-то образом смог попасть на эту планету и не сойти с ума, а может, как раз и сошел, а затем нашел способ открыть портал на Землю и перетащил сюда своих единоверцев. (Точно, было такое в истории, что от жителей Иерусалима отвернулись и отказались дать им прибежище. Считается, что так они и пропали в неизвестности на Сирийской равнине, и только те, кто направился в Египет, смогли спастись благодаря милости тамошних мусульман, и многие вернулись в Европу. Все же хорошо иметь абсолютную память.) Потом люди, как и везде, перессорились и разделились по национальному признаку. Места хватало всем, вот они и расселились, не мешая друг другу, и за восемьсот лет смогли расплодиться в довольно большом количестве, несмотря на то что сами же активно истребляли друг друга, и орки всячески способствовали им в этом. Но как могли люди закрепиться в новом мире – ведь если люди являются дополнительной статьей рациона питания орков, то их уже давно должны были схарчить? Ладно, с этим разберемся позже. Стоп, но если средневековый монах сумел открыть портал, то почему это не под силу мне, человеку из двадцать первого века? А черт его знает. Ну не чувствую я ничего и не знаю, что тут поделать. Не хочет во мне просыпаться седьмое чувство, а оставаться здесь, где орков как грязи, судя по высказываниям Эндрю, – нет уж, увольте. С другой стороны, нельзя оставлять здесь и то, что имеем. Наука и

техника, судя по всему, здесь капитально затормозились, а потому с машины нужно снять все, что только возможно, да и золотишко поискать не помешало бы – оно и тут, похоже, в цене. Нищим выходить в люди не хочу».

Собственно, вот так почерпнув минимум информации, хотя они и проговорили всю ночь, так и не сомкнув глаз, Андрей решил и четвертый день провести на этой полянке, полагая, что ограничится тем, что они успеют сделать за день, а потом надо сваливать.

С рассветом, позавтракав сырым мясом и наскоро похоронив убитую девушку, люди вдруг оказались озадаченными самыми разными поручениями.

Памятуя тот факт, что русло реки прямо-таки изобилует разными отмелями, в которых скопился шлих, Андрей, не заморачиваясь промывкой золотого песка, решил собрать только самородки, резонно предполагая, что и этого золота будет не так уж и мало. Конечно, голыми руками это сделать проблематично: большие самородки еще куда ни шло, а вот как быть с мелкими? Нужно было сито. И тут его осенило. Вооружившись отверткой, он быстро скovyрнул с магнитофонных динамиков сетчатую облицовку и получил четыре хоть и небольших, но мелкоячеистых сита. Эндрю как человек, имеющий представление о золоте (никто из остальных золота и в глаза не видел, если только серебро), был назначен старшим среди четырех женщин, образовавших бригаду старателей. Молодую мать грудничка от забот освободили. Девтора постарше приняла на себя роль наблюдателей. Жан был отправлен на охоту, так как продовольственный вопрос стоял остро.

Андрей же с кузнецом Грэгом и крестьянином Мараном быстро извлекли из земли арсенал. Маран, как истинный крестьянин, оценил легкость и функциональность лопат. Как выяснилось, местное крестьянство также использовало лопаты, но по большей части деревянные, металлические были весьма дороги, да и гораздо массивнее представленных образцов.

Не теряя времени, землянин привел к боевой готовности РПК. Все же из него было куда сподручнее вести автоматический огонь, если вдруг это понадобится, опять же емкость магазина куда солиднее стандартного магазина АКМ, а сам пулемет ненамного тяжелее автомата. Затем они начали вдумчиво курочить автомобиль.

Когда Андрей открыл багажник, чтобы взять ключи, Грэг, не скрывая любопытства, взял в руки одну из картофелин и стал внимательно ее осматривать. Он даже понюхал ее и помял в руке.

– Что это, сэр?

– Ты что, никогда не видел картошки? – улыбнувшись, спросил Андрей.

– Нет, – вполне серьезно подтвердил Грэг. – Маран, а ты не видел ничего такого?

– Нет. Мы у себя в деревне выращивали все, что растет, а этой картошки я никогда не видел.

– А ведь точно, – спохватился Андрей. – Откуда вам было ее видеть? Ладно, давай упакуем ее в мешок. Ее мы заберем тоже. Я потом все объясню.

Надо признать, что Грэг был просто вне себя от радости. Глядя на него, Андрей провел даже аналогию с ребенком, которому подарили вожеленную игрушку. Для Грэга – представителя местных, так сказать, промышленных кругов – все было интересно, и он готов был забрасывать Андрея вопросами до скончания века. Слава богу, Маран был более холоден: все же в кузнечном деле он, как говорится, ни уха ни рыла. Но Грэга нужно было срочно тормозить, потому что он вдумчиво и скрупулезно был готов пытаться Андрея о способе изготовления и сфере применения самого обычного болта – что уж говорить о различных агрегатах и их устройстве.

– Послушай, Грэг, я понимаю, что тебе сейчас все интересно. Но и ты пойми – для того, чтобы рассказать тебе обо всем, мне не хватит и недели, тем более что я ведь не сам делал эту повозку, так что многого просто не знаю. А у нас только сегодняшний день: уже завтра на рассвете нам нужно уходить отсюда, и я хочу забрать с собой как можно больше. Поэтому

сейчас просто работаем, а когда выберемся отсюда, я тебе обещаю: если ты останешься со мной, я расскажу тебе все, что знаю.

– Вы обещаете, сэр? – В голосе гиганта слышались как надежда, так и мольба одновременно.

– Я даю тебе слово. А сейчас за работу.

В кои-то веки Андрей был рад тому факту, что у него была старенькая машина, а потому без солидного комплекта ключей он никогда не ездил, что сейчас оказалось как нельзя кстати. Неплохо было и то, что ремонт своего авто он зачастую производил сам, а потому, как сдернуть с машины узлы и агрегаты, для него не было загадкой. Сейчас было даже легче, так как о сохранности кузова он заботился меньше всего, а потому ворочали они многострадальную «шестерку» как хотели. В общем, дело двигалось, и довольно споро. Во второй половине дня они уже закончили терзать машину, сняв основное и оставив только практически голый кузов. Андрей даже извлек магнитофон – казалось бы, баловство, но внутри этой теперь бесполезной вещи было то, что могло пригодиться в будущем, например, те же шестеренки, которые впоследствии можно будет использовать как шаблоны: все проще, чем изобретать велосипед.

Покончив с разборкой, они вооружились топорами, нашедшимися в трофеях, и заготовили жерди для устройства волокуш. Была мысль изготовить повозку: колеса есть. Но от нее Андрей тут же отмахнулся. В этой местности без намека на дороги все другое, кроме волокуш, было неактуально.

Так в заботах прошел день. Андрей был настолько увлечен и загружен, что только с наступлением темноты осознал, что просто зверски устал, к тому же сказывалась и бессонная ночь. Остальные вымотались ничуть не меньше. Женщины и Эндрю едва переставляли переохлажденные конечности, так что Андрей, несмотря на их возражения, приказал развести костер, чтобы они могли согреться.

Как понял Андрей, им предстоял переход в течение трех-четырех суток до большой реки Яны, на противоположном берегу которой начинались земли людей. Да еще и переправиться предстояло как-то, а значит, нужно будет готовить плавсредства. Нет, большие ему были сейчас совсем не нужны – они потребовали бы заботы, – о какой уж помощи с их стороны могла идти речь.

В караул было решено выставить Жана как наименее загруженного в прошедший день. Хотя сказать, что он совсем уж бездельничал, значило бы согрешить против истины. Он сумел подстрелить и доставить к лагерю еще двух косуль, а продовольствие – оно дорогого стоит: теперь отряд мог передвигаться, не отвлекаясь на охоту, так как, получив добро на разведение огня, Жан тут же при помощи женщин начал поджаривать и коптить имеющееся мясо, чтобы оно не испортилось. Конечно, качественно он этого сделать не мог ввиду отсутствия соли, но гарантировал, что уж в течение четырех суток мясо не испортится.

– Как там дела с золотом? – уже укладываясь, поинтересовался Андрей у Эндрю.

– Я уж думал, что вам это безразлично.

– Отчего же! Просто были более насущные вопросы. Кстати, ты, по-моему, слегка перестарался. Разве можно так издеваться над людьми – они нам нужны здоровыми, больной человек – не помощник, а обуза.

– Все так, но оно того стоило. Вы стали весьма богатым человеком, и это лишь малое, чем мы можем отблагодарить вас за то, что вы сделали для нас.

– Так сколько?

– Около пятидесяти фунтов. Я знаю только одного ювелира, который сможет купить все ваше золото. Но сдастся мне, что на первых порах вам этого и не нужно будет. Дайте только добраться до Англии, а там уж я помогу вам с толком распорядиться вашим богатством.

При этих словах Андрей внимательно посмотрел на торговца, но никакой фальши в его словах не уловил. Или он перестал разбираться в людях, или этот человек имел в виду именно

то, что говорил. Причем Андрей склонялся именно ко второму: в Эндрю не было ни капли фальши, он был полон только искренней благодарности. Во всяком случае, сейчас.

«Пятьдесят фунтов – это чуть меньше двадцати пяти килограммов, – услужливо подсказала его память. – Нехило. Речушка-то и впрямь золотая. Если учесть тот факт, что эти крестьяне, и даже кузнец, никогда не видели золота, то этот металл здесь гораздо дороже, нежели у меня на родине, а значит, я стал сразу же баснословно богат. Ладно, будет время – будет пища. Сейчас главное – выбраться отсюда, а для этого нужно сначала выспаться».

– Хорошо, Эндрю. А сейчас давай спать. Завтра будет трудный день.

– Доброй вам ночи, сэр Андрэ.

Глава 5

Дорога к Яне

В путь выдвинулись с рассветом, поэтому взошедшее солнце застало поляну, ставшую временным прибежищем для людей, уже пустой. Только следы недавнего пребывания людей да раскуроченный остов автомобиля говорили о том, что еще недавно здесь, в девственном лесу, были люди.

В идеале Андрей предпочел бы скрыть следы, но являющийся в этом деле спецом Жан на вопрос Андрея только горько улыбнулся и заверил его, что скрыть следы не в их силах. Конечно, они могут попытаться, но это было бы напрасной тратой времени. Если бы здесь была команда из опытных охотников, да еще налегке, то не было бы ничего проще. Имея же на руках целую компанию людей, ведущих себя в лесу как кабан в огороде, да еще тринадцать навьюченных лошадей, это было нереально. Орки всю свою жизнь жили в лесу и читали его как открытую книгу.

Путешествие протекало без особых эксцессов. Разве только надежды Андрея на то, что двигаться придется под уклон, а значит, скорость будет несколько выше, чем их путь к поляне, не оправдались. Арсенал и запчасти автомобиля загрузили под завязку всех лошадей, а потому женщины передвигались пешком, сильно тормозя движение.

Преследуя цель вооружить людей хоть как-нибудь, Андрей приказал вооружиться кому чем по душе из принадлежавшей ему добычи. Потому что в случае нападения он не мог рассчитывать только на одного себя, с чем все и согласились. Правда, вооружать женщин не стали, да те и не настаивали; в случае нападения они имели только два выхода – либо оставаться на месте и надеяться на мужчин, либо, если у тех ничего не выйдет, попробовать бежать, имея призрачную надежду на спасение, – но, как заверил Жан, этой надежды у них не было вовсе. Он, конечно, ненавидел орков, но должен был признать, что немногие люди способны потягаться с ними в лесной науке.

Из имевшегося арсенала Жан выбрал себе уже использованный им лук и колчан с бронебойными стрелами, так как если и предстояло использовать его, то только против орков: на охоту решили не отвлекаться. На пояс он повесил большой орочий нож, напрочь отказавшись и от орочьего ятагана, и от человеческого меча (в тюках с добычей было и оружие людей), мотивируя это тем, что ничем другим он пользоваться все равно не умеет.

Маран выбрал также нож и топор, этим и ограничив свой арсенал. Он был простым крестьянином, его дело – возделывать землю, а не в сече стоять.

Грэг вырубил молодое деревцо и получил помимо ножа довольно увесистую и длинную палицу. Эндрю, к удивлению Андрея, вооружился, словно собрался на битву. Он отыскал в тюках кольчугу, которая поразительно пришлась ему впору и облегла все тело, спереди опускаясь до колен. На пояс он подвесил прямой полуторный меч и кинжал. На голову водрузил полукруглый шлем с полумаской, прикрывающей лицо до подбородка. В довершение он взял лук и колчан с бронебойными стрелами.

– Ты пользоваться-то этим умеешь? – неуверенно поинтересовался Андрей, памятуя о роде деятельности Эндрю.

– Конечно. Не скажу, что смогу составить конкуренцию опытному ветерану или выстрелить из лука лучше профессионального лучника, но пользоваться этим я умею довольно неплохо.

– Но ты, кажется, говорил, что торговец...

– Все так. Дело в том, что на наших дорогах немногим безопаснее, чем в орочьем лесу. Шаек разбойников, жаждущих заполучить твое добро, хватает, а потому все торговцы умеют

владеть оружием. Правда, это умение варьируется в понятии воинов от «пойдет» до «полное дерьмо», но иногда и этих навыков хватает, чтобы сберечь жизнь.

– Ты еще скажи, что это твое оружие и доспехи.

– Нет, конечно, оно твое. Но когда-то оно принадлежало мне, потом орку, захватившему его, а сейчас – тебе.

– То есть эти доспехи и оружие принадлежали тебе?

– Ну да. Просто когда мы прибыли в ту злополучную деревню, там был праздник, и я здорово набрался. Я проснулся, только когда на меня спящего навалились сразу два орка и связали. Как видишь, я вполне упитан, а потому меня посчитали достойным, чтобы доставить к хижинам рода и пригласить на пир. Разумеется, в качестве угощения.

Андрей одарил всех тем оружием, которое они сами выбрали, рассчитывая в случае успешного выхода к людям одарить еще. Спасти этих людей, а потом бросить на произвол судьбы он не мог. Все их добро было разграблено, деревня сожжена. Так что им оставалось либо побираться, либо идти в леса и становиться разбойниками или же идти в батраки. Даже Грэг, будучи мастером, не имел шансов подняться на ноги, так как у него не было ни инструментов, ни кузни. Что же касается Марана – он мог рассчитывать только на место батрака на землях какого-либо барона. С женщинами история была ничуть не лучше – либо батрачить, либо в лучшем случае идти в услужение в какой-нибудь замок или постоянный двор, если повезет.

Лучше всех дела обстояли у Эндрю, который хотя и потерял свой караван, но не был окончательно разорен. Дурак и торговец – понятия несовместимые, и потому он никогда не держал все яйца в одной корзине, тем паче что имел семью, о которой должен был заботиться.

Также неплохо мог устроиться и Жан, будучи отличным охотником, что он уже доказал. Этот молодой человек никак не мог пропасть. Охота считалась весьма неплохой статьей дохода в этом мире, нужно было только не забывать уплачивать натуральный налог владельцу земель, ну и, разумеется, охотиться, только получив на то разрешение. Либо можно было поселиться на границе с землями орков и, охотясь на их территории, сбывать добычу у людей. В этом случае с него и налог-то не брался – люди, знакомые с территорией орков, ценились весьма высоко и пользовались безграничным уважением со стороны пограничных лордов: ведь бывало, что благодаря этим охотникам баронам своевременно становилось известно о набеге, и тогда удавалось приготовить достойную встречу. Правда, происходило это довольно редко, так как желающих промыслить на враждебной территории было не так уж и много. Кстати, Жан был из этих немногих и в плен попал, также будучи мертвецки пьяным.

– Во всем виноват этот проклятый медведь, – виновато объяснял Жан. – Если бы я не завалил этого огромного черного медведя и не получил бы такого большого вознаграждения от барона Седрика, то бродил бы по берегу орков.

– Ну и что произошло бы тогда? – не скрывая любопытства, спросил Андрей. Он вообще всячески старался подбивать своих спутников на самые различные разговоры и побольше слушать, черпая информацию из их рассказов, иногда по крупницам, а иногда и полноводной рекой. О себе старался не рассказывать. Только Эндрю, вызывавший к себе доверие, был посвящен в историю Андрея в одну из ночей, когда они вместе несли караул, – но торговец посоветовал Андрею не рассказывать о себе никому. Как выяснилось, во владениях людей всюду свирепствовала инквизиция, возрожденная с момента появления орков. Эта контора, члены которой были, как понял Андрей, настоящими фанатиками, рьяно охотилась за еретиками и колдунами, стремясь очистить людскую паству и вернуть благосклонность Всевышнего.

– Тогда, сэр, я непременно заметил бы этот отряд орков и предупредил бы о них сэра Седрика, а уж он-то воин, каких поискать.

– Ты мог и не заметить орков.

– Вы просто не знаете, о чем говорите. Орки никогда не отправляются в набег на такую большую деревню отрядом меньше чем в две сотни воинов, а такого количества не может

выставить ни один род. Значит, нужно объединить воинов из нескольких родов. И собираются эти воины как минимум в течение суток, стекаясь с разных концов земель клана. Если на том берегу есть опытный охотник, а я опытный, то от него не сможет скрыться накопление такого сильного отряда. Вот если в набеге участвуют воины только одного клана, то тогда – да, шансы засечь его очень маленькие. Но в этом набеге участвовало несколько малых родов. Один из таких отрядов вы и перебили.

– Но ведь в деревнях живут крестьяне – для того чтобы захватить добычу, не нужно ловить всех жителей. Захватил, что смог, – и ходу.

– Оно и видно, что вы ни разу не участвовали в захвате поселений. Мало захватить добычу – ее еще нужно увести с собой, а значит, нужно не допустить ни одного побега, чтобы барон не узнал о захвате слишком рано и не успел ничего предпринять.

– Но это невозможно. Нельзя захватить всех и не допустить побега ни одного человека, – убежденно возразил Андрей.

– Очень даже возможно, – ухмыльнувшись, возразил Жан. – Орки прекрасно с этим справляются. Они разбиваются на небольшие группы и берут село в кольцо, потом постепенно сжимают его, не оставляя позади себя ни одного человека. Воины они опытные и умелые, а потому им это прекрасно удается. Только зачистив окрестности, они приступают к самой деревне, да и то действует только половина воинов – остальные остаются в оцеплении, вылавливая тех, кто сумел вырваться. Вот так-то, сэр Андрэ.

– Но если село находится на отшибе, вдали от замка барона, то сами селяне разве не должны организовать охрану и разве село не окружено частоколом?

– Все это так, и охрана была, и частокол. Но ведь праздник, а они не военные.

– Так они что же, перепились? Да как же они после этого...

– А никак, сэр Андрэ, – горько вздохнув, перебил его Жан. – С них уже не спросишь, все они мертвы и пошли на закуску оркам. Эти исчадия ада в первую очередь убивают всех, кто имеет оружие: во избежание, так сказать. Они, конечно, могут о нас думать как о еде, но воинов наших уважать научились. Поэтому кто там с оружием – крестьянин или настоящий воин, – они разбираться никогда не станут. Убить и не оставить за спиной ни одного воина – вот их первый принцип. И я, и уважаемый Эндрю Белтон были бы уже давно в брюхе у орков, если бы не были столь пьяны, потому что он обязательно был бы если не в броне, то с мечом, а я с луком, а значит, нас они убили бы в первую очередь. Ладно, заболтался я. Пожалуй, пойду дозором. За меня не переживайте и не пытайтесь искать, я буду крутиться вокруг вас.

Собственно, так он и сделал. Жан то убегал вперед, то двигался сбоку, исполняя обязанности и передового дозора, и разведки, и арьергарда. Небольшой караван людей двигался одной плотной группой, впрочем, плотной их группу можно было назвать с большой натяжкой, так как караван из тринадцати лошадей с волокушами растянулся на дистанцию около ста метров.

За полдень они прошли поляну, на которой произошла схватка с орками. Жан внимательно осмотрел все вокруг и вскоре доложил, что место побоища орками обнаружено не было. Трупы орков были немного не там, где их оставили, от одного вообще остались только разбросанные кости, другие были сильно потрачены зверьем, но орков здесь не было точно.

Это обстоятельство сильно порадовало всех членов небольшого отряда. Общее мнение высказал Эндрю, стараясь разговаривать как можно тише:

– Ваше оружие весьма смертоносно, но больно уж громкое. Нам повезло, что в отряде были взрослые орки.

– И чем же этот отряд отличается от отряда молодых воинов?

– Я могу судить только по рассказам бывалых охотников, Жан рассказал бы гораздо точнее. Но насколько мне известно, молодые орки спешат с добычей в родное стойбище, чтобы как можно скорее услышать хвалу в свой адрес. Молодежь везде одинакова. Ветераны же после походов домой не особо спешат. Предпочитая в пути немного поразвлечься.

– А что, у себя в стойбище они повеселиться не могут?

– Так – нет. У них очень строго с супружеской верностью. Если молодые орки могут себе позволить развлекаться с наложницами, то зрелые воины стараются этого избегать, так как их женушки им тогда закатят такой скандал, что мама не горюй.

– Так они что же, делают из наших женщин наложниц?

– Ну да. По крайней мере, на первое время, а потом итог один – в котел. Вы ведь заметили, что они от нас практически ничем не отличаются, разве только их морды. Вот эти и веселились, пока в пути, а потому особо и не спешили. За это время остальные отряды успели уйти довольно далеко. А потом, проходя посвящение в воины, а значит, и в мужчины, они совокупаются со свиньей, так что уж говорить о тех, кто отличается от них только цветом кожи и формой головы.

– Слушай, я все спросить хотел: а сколько человек было в селении, в котором вас захватили?

– Примерно человек двести, может, чуть больше.

– А как же тогда расценить то, что у столь незначительного отряда оказалась такая значительная добыча, я имею в виду людей?

– Точно не скажу, но только на своем берегу они устроили похороны троим своим воинам, и, как я понял, они все были из этого отряда, поэтому они получили что-то вроде награды за своих погибших. Во всяком случае, так объяснял Жан. А в плане дележа добычи они куда более справедливы, чем люди.

До позднего вечера шли не останавливаясь. Обедали на ходу, сухим пайком. Так советовал Жан, чтобы оставить как можно большее расстояние между отрядом и местом схватки.

Ночь прошла без приключений, и с рассветом, еще до восхода солнца, отряд вновь начал движение. Андрей явно чувствовал, что после дневного перехода он так и не отдохнул. Судя по внешнему виду остальных, они были не в лучшей форме, но не стонали – понимали, что все стенания нужно оставить на потом. На том берегу Яны можно будет немного отдохнуть, устроить привал на весь день, но здесь – территория врага, а значит, расслабляться не стоило.

На третьи сутки, когда до реки оставалось совсем немного (со слов охотника, такими темпами они должны были к вечеру дойти до реки), как всегда неслышно, словно тень, появился Жан. Однако на этот раз вместо уже привычной ободряющей улыбки на его лице явственно читалась тревога:

– По нашим следам движется отряд орков.

– Сколько их? – встревоженно спросил Андрей.

– Пятнадцать. Идут грамотно. Впереди разведчики, двигаются цепью, шагах в тридцати друг от друга. Один – прямо по следу, двое – с боков.

– Конные?

– Нет, пешие. В лесу на конях не больно-то повоюешь, об охоте я вообще молчу.

– Но в набег же они отправились на лошадях!

– Так то в набег. Добычу нужно как-то уносить, да и в селе разжились лошадьми: зажиточные люди там жили. А эти, пожалуй, поисковый отряд. Не иначе как обнаружили трупы своих.

– Как скоро догонят?

– Самое большее – час.

– А если мы бросим добычу?

– Не поможет. Волокуши, конечно, след хороший оставляют, да только и вы от них не отстаете. Того следа, что тянется за нами, вполне хватит для того, чтобы охотники нас выследили.

– Ты уйти сможешь?

– Я – да. Но делать этого не буду.

– Понятно, – благодарно взглянув на Жана, задумчиво проговорил Андрей. Он вдруг заметил, что все смотрят на него с затаенной надеждой. Беспрекословно приняв его лидерство, они теперь ждали его решения и надеялись на то, что он сможет вытащить всех из этой ситуации.

Но Андрей вдруг понял, что ему нечего предложить этим людям. Да, у него было отличное оружие, противопоставить которому в этом мире было нечего. Но пятнадцать закаленных в схватках воинов – это не шутки. Когда их было только шестеро, он едва сумел отбиться: их даже не смутило огнестрельное оружие. Он не раз читал о том, что в Средние века огнестрельное оружие наводило ужас на тех, кто столкнулся с ним впервые, но эти воины даже не дрогнули. Да, они растерялись в первое мгновение, но затем без всякого страха атаковали его. Что же говорить о том, когда их будет пятнадцать? Он откровенно растерялся.

Простояв так в нерешительности некоторое время, буквально кожей ощущая взгляды остальных, Андрей совершенно неожиданно для самого себя начал отдавать распоряжения, словно и действительно знал, что нужно делать.

– Маран, Грэг, вы остаетесь с женщинами и двигаетесь к реке. Я так понимаю, что лошадей бросать нет смысла: если нам не удастся справиться с этим отрядом, то они непременно догонят их. – Вопрос относился к Жану, и тот, правильно поняв Новака, подтвердил это.

– До реки слишком далеко. Даже если часть воинов отвлечется на нас, то остальные продолжат преследование.

– Значит, ведете караван и дальше. Грэг, если поймете, что вас настигают, то убьете всех. Сами – как получится. Не смотрите на меня так. Лучше умереть сразу – этим вы только окажете услугу женщинам и детям.

Не теряя времени, он вооружился пулеметом и карабином, быстро навинтив на него глушитель. Ему нужна была как точность, так и интенсивность огня, так что из его арсенала это оружие было наиболее предпочтительным. Перевооружившись, он приказал людям трогаться в путь.

Молча кивнув, мужчины стали поторапливать женщин, и караван начал движение по прежнему направлению. Когда последняя лошадь скрылась из виду, Андрей вдруг подумал о том, что даже если им и удастся справиться с орками за спиной, то впереди может оказаться другой отряд, и тогда он отправил людей на верную смерть.

«Стоп. Ты сначала уничтожь тех, кто остался сзади, а потом уже беспокойся о тех, кто будет впереди. Не надо бежать перед паровозом, проблемы будем решать по мере их поступления. Итак, отряд орков плюс боевое охранение. Начали».

– Значит, так: сейчас сходим со следа и по дуге возвращаемся назад. Мы там проходили мимо большого валуна, шагах в двадцати от нашей тропы, за ним густой кустарник. Сможешь вывести точно на него?

– Конечно. У вас хорошая память. Да, было такое место, я его проверял, очень удобное место для засады. Вы хотите сделать волчью петлю?

– Ты именно так обнаружил погоню?

– По-другому в орочьих лесах нельзя, когда вынужден оставлять за собой след. Ну когда с добычей возвращаешься.

– Понятно. Твои следы не обнаружат?

– Конечно нет, – возмущенно ответил Жан.

– Тогда веди, и поскорее: нам еще подготовиться надо.

Пятнадцатиминутный бег буквально душу вынул из Андрея. В голове даже мелькнула мысль немного облегчиться, сбросив вдруг ставший тяжелым бронежилет, да и оружия что-то он много с собой взял. Но эта крамольная мысль была тут же отброшена. Что же, если он сегодня останется жив, то непременно займется своей физической подготовкой – похоже, в новом мире это один из залогов выживания.

Тяжело дыша как паровоз, пыхающий перегретым паром, Андрей грузно повалился за намеченный валун. Легкие буквально разрывались, пытаясь втолкнуть в организм как можно больше кислорода. Оглядев своих спутников, Андрей чуть не застонал от охватившей его зависти. Эндрю хотя и запыхался немного, но дышал глубоко и ровно, а ведь он был немного больше по комплекции и нес на себе ничуть не меньший груз, чем Андрей. Жан – тот вовсе, казалось, и не бежал только что.

– Дышите ровнее, сэр Андрэ, – посоветовал Жан, явно обеспокоенный тем, какой шум производил их вожак. Но легко сказать – а как быть, если легкие насквозь прокурены? Однако выхода не было, и Андрей предпринял все возможное, чтобы как можно быстрее выровнять дыхание. Вскоре ему удалось немного отдышаться, во всяком случае, он смог заговорить.

– Жан, идешь на ту сторону, на тебе – тот орк, что идет в стороне. Эндрю, ты возьмешь на себя того, что, по идее, должен выйти на нас, я того, что пойдет по нашему следу.

– Плохая идея, – возразил Жан. – Ваше оружие слишком громкое: услышит основной отряд – и тогда засада не выйдет.

– Насколько они впереди от остальных?

– Шагов триста.

– Тогда не услышат. Эта красавица стреляет практически без шума. Ты успеешь унести труп с тропы и замести следы. Нам нужно, чтобы орки были напротив нас, а дозор придется валить, не доходя до валуна, иначе боковой нас засечет.

– Если крови будет немного, то да.

– Хорошо. Итак, первым стреляет Эндрю как наименее опытный, сразу за ним ты и я. Дальше, когда орки появятся на тропе, – не дергайтесь, ждите. Когда услышите гром, не пугайтесь, это мое оружие. Не высовывайтесь, пока не прогремит второй раз, а после этого сразу стреляйте во всех, кого увидите. Все поняли?

Оба только утвердительно кивнули, и Жан, оказав помощь в маскировке своим товарищам, тенью скользнул на противоположную сторону тропы, оставленной людьми. Андрей сколько ни старался, так и не смог рассмотреть следов охотника: у Жана и вправду была на удивление легкая нога, ну и умение передвигаться в лесу, разумеется.

Андрею все же удалось справиться с собой до появления дозора, но в крови бурлило такое количество адреналина, что он откровенно переживал за точность своей стрельбы. Однако, сделав над собой усилие, он все же сумел несколько успокоиться. Как ни странно, страха не было и в помине: ожидание схватки, переживания за свои стрелковые качества, но только не страх. Этому факту он несколько удивился, но затем все очень просто объяснил самому себе. Ответственность за других – вот что помогло ему преодолеть страх перед безжалостным врагом.

В его недолгой карьере офицера пограничных войск был один эпизод, о котором он не любил вспоминать, но тем не менее тот сам собой всплывал в его памяти с завидной регулярностью и в самые неподходящие моменты.

Это была командировка в горы, на границу с Чечней во время первой и, надо заметить, позорной кампании. Он с одним взводом был в то время на горной заставе, где разворачивал склады для проведения операции по выставлению еще двух высокогорных застав. Ничего нештатного не ожидалось, к нему на развернутый склад ГСМ направлялся наливник с дизельным топливом. Все бы ничего, однако на перевале у наливника отказали тормоза, и он непременно сверзился бы в ущелье, но водитель, не растерявшись, решил врезаться в скалу. Наливник не успел набрать большую скорость, а потому отделался незначительными повреждениями. Но случилось это перед заходом солнца, а потому привести технику в порядок до утра не было никакой возможности. Было принято решение о выставлении караула для охраны техники, не дотянувшей до гарнизона каких-то пяти километров, но в горах расстояния имеют несколько иную величину и смысл. Когда охрана из десятка человек была уже готова выдвинуться на

место, на позициях одной из застав мотоманевренной группы, расположенной дальше по ущелью километрах в трех, началась интенсивная стрельба. Гарнизон был поднят по тревоге, но вопроса об охране наливника никто не снял, просто было принято решение о том, что караул возглавит он, а также был выдан дополнительный боекомплект. Все это происходило на фоне непрекращающейся канонады со стороны обстреливаемой заставы.

В общем, прибыли они на место без происшествий – шестеро контрактников, четверо срочников, выделенные из мотоманевренной группы, и он. На месте находились водитель и старший машины, прапорщик, которые уже успели изрядно набраться, снимая стресс. Надо заметить, что оказии там были весьма редки, а потому офицеры всегда заказывали только один товар – водку, и причем так много, сколько только было возможно поместить в транспорте. Учитывая, что ехать приходилось через Владикавказ, продукции можно было купить изрядное количество и по смешным ценам: в республике Северная Осетия чуть не в каждом дворе были свои мини-цеха по розливу «левой» водки. В общем, недостатка в спиртном не наблюдалось.

Контрактники изрядно струхнули не такой уж и далекой стрельбы, тем более что с высоты, где они находились, были прекрасно видны всполохи выстрелов на позициях заставы и резкие росчерки трассеров, несущихся в обе стороны, а также слышны глухие разрывы гранат из подствольников и рваные очереди из зушек. А звуки в ночных горах в ясную погоду разносятся очень далеко и весьма отчетливо.

Одним словом, контрактники, разжившись водочкой, нажрались, как говорится, в зюю, стремясь только к одному – заглушить охвативший их животный страх. Андрей и сам бы был рад нажраться, потому как страшно ему было ничуть не меньше. Остановило его лишь то, что при обходе постов он вдруг обнаружил, что четверо срочников, оставив свои посты, сбились в одну кучу и абсолютно трезвыми глазами, полными страха и растерянности, взирают на него. Ребята к тому моменту уже имели боевой опыт, во всяком случае, их можно было назвать обстрелянными, в отличие от него и его контрактников, но на него они глядели как на отца-командира. Объяснение было очень простым: в мотоманевренной группе все офицеры имели боевой опыт, и вчерашние пацаны всегда могли найти у тех поддержку, даже если она выражалась в матах и тумаках, – это не давало впасть в ступор и попросту погибнуть. Вот и сейчас они смотрели на него с надеждой. Им было до лампочки, что Андрей не имеет боевого опыта: он был офицером, и они ждали от него четких и вразумительных распоряжений.

Андрей сам не знал, как ему удалось казаться совершенно спокойным и не трястись, как лист на ветру, а также придать уверенности бойцам, но это у него получилось. Возможно, работало его повышенное чувство ответственности за этих пацанов и тех горе-воjak, неспособных сейчас сказать «мама», а возможно, страх показать подчиненным, насколько он сам напуган. И каждый раз, когда он вспоминал этот эпизод, его охватывала такая злость, до скрежета зубов, на самого себя, что он непроизвольно начинал материться, причем иногда это происходило в компаниях и совершенно не к месту.

Дозор появился примерно через пятнадцать минут после того, как они заняли свои позиции. Правда, из дозора он видел только одного,двигающегося по тропе. Но, судя по тому, как напрягся Эндрю, он тоже увидел своего противника. Андрей тут же изготовился к выстрелу, наведя перекрестье оптики в грудь своего орка. По всей видимости, лесной воин заметил блик от оптики и, резко остановившись, стал всматриваться в валун и кусты, изготовив лук с наложенной на тетиву стрелой так, чтобы сразу пустить стрелу.

В этот момент резко тренькнула тетива, и Андрей, не теряя времени, нажал на спуск. Карабин уже привычно толкнул в плечо, панорама дернулась, затем вновь вернулась на линию прицеливания.

Как выяснилось, переживал он зря. Как бы ни зашкаливал адреналин, но промахнуться по ростовой цели с пятидесяти метров, да еще используя оптику, – это нужно постараться.

У его подручных также все прошло вполне на уровне. Правда, Андрей переживал за точность стрельбы. Стрелять из лука на дистанцию в пятьдесят метров в лесу – задача не для дилетантов, коим в общем-то являлся Эндрю, но, как выяснилось, дозор двигался вогнутым клином, имея в качестве вершины того воина, который шел по тропе. Так что лучники стреляли с расстояния, едва превышающего двадцать метров, и оба отстрелялись на «отлично».

Андрей едва только успел вогнать в магазин недостающий патрон, а Жан был уже на тропе и, быстро взвалив на плечо труп орка, утащил его за деревья, удивляя при этом своего вожака. Орк был не гигантом – так, средний, но и это подразумевало вес никак не меньше чем в сотню килограммов, а Жан с этим весом справился относительно легко, выказывая немалую физическую силу. Затем он вернулся на тропу, проделал еще какие-то манипуляции, видимо скрывая следы, но что именно – Андрей так и не понял.

В ожидании прошла еще пара минут, и наконец из-за деревьев появились основные силы преследователей. Головной дозор орки хоть и выслали, но не успокоились на этом полностью. Хотя они и двигались довольно резво, но тем не менее отряд в любое мгновение был готов к бою. У всех в руках были луки с наложенными на тетивы стрелами. Правда, луки были не натянуты, но для орков с их силой и ловкостью для этого требовались доли секунды.

Увидев все, что хотел увидеть, и отметив, что орки двигаются довольно плотной группой, что как раз устраивало его как нельзя лучше, Андрей спрятался за валун, чтобы не отсвечивать. Прижавшись спиной к валуну, он извлек из карманов две эфки – оно конечно, разлет у осколков довольно велик, и, если Жан плохо спрятался, не исключено, что может достаться и ему, но на эфках Андрей остановился намеренно. Здесь всю использовались доспехи. Не бронежилет, разумеется, но легкие осколки от РГД могли и не пробить доспеха, а чугунным осколком от Ф-1 это было вполне по силам.

Андрей отогнул усики и, зажав руками рычаги предохранителей, в кольцо каждой гранаты вставил по большому пальцу; разведя руки в стороны, выдернул кольца с чекой, приведя таким образом гранаты в боевую готовность. Все, теперь только ждать.

Орки конечно же были опытными лесовиками и ступали практически неслышно. Но только если знать, что хочешь услышать, и ждать именно этих звуков, то ты всегда сможешь вычленивать их среди остальных. Как бы опытни ни были лесные воины, но и они не могли ничего поделать со своим снаряжением. Где-то легонько скрипнул ремешок, где-то едва слышно звякнуло звено доспеха, прошуршала листвой по сапогу ветка. Воину в полном вооружении ни за что не сохранить полной тишины, да еще когда внимание слушателя напряжено до предела и выискивает именно эти звуки. Другое дело, что сохранять внимание на таком уровне продолжительное время невозможно, но Андрею и не нужно было сохранять его долго.

Легкое бряцание железа раздавалось уже напротив позиции, занятой людьми, и Андрей напрягся, как струна. Посмотрев на замершего рядом с луком на изготовку Эндрю, он встретился с ним взглядом, и тот подбадривающе ухмыльнулся.

«Фаталист, твою мать. Интересно, он действительно не боится или настолько хорошо владеет собой? Мне бы так, а то от страха поджилки трясутся – гранаты бы не выронить. Не мандражируй. Как говорит поговорка, «солдат, который боится, наполовину уже мертв» – или «проиграл схватку» – ну это уже как кому нравится. Ну что, готов или опять решил сначала обгадиться? Риторический вопрос, но если воюем, то сейчас».

Тихо вздохнув для решительности, он метнул первую гранату, так и не поменяв позы, бросая ее за спину и за валун. Сразу же раздался звон отлетевшего рычага, затем хлопок капсюля, воспламеняющего замедлитель. Не теряя времени, он переложил в правую руку вторую гранату – будучи махровым правой, он побоялся довериться в таком ответственном деле левой руке, – вторая граната полетела вслед за первой.

По верху валуна и кустам стриганули несколько стрел – орки все же успели среагировать. Нет, недооценивать этих воинов было никак нельзя: даже сталкиваясь с неизвестным, они сначала атаковали – и только потом разбирались, с чем же им пришлось столкнуться.

Андрей уже тянулся к пулемету, когда раздался первый взрыв, – к радости Андрея, он слышал болезненные стоны, следовавшие за взрывом. Что ж, если осколками вывело из строя хотя бы парочку, то это уже неплохо. Когда же пулемет оказался в руках, раздался второй взрыв.

Андрей поспешил вскочить на ноги с пулеметом наперевес, но как он ни торопился, а Эндрю его все же опередил, всадив стрелу в одного из орков. Наконец, поднявшись и увидев врагов, Андрей вскинул пулемет и всадил первую короткую очередь в ближайшего орка, опрокидывая его на землю. Управившись с первым, он поспешил навести ствол на второго, не заботясь о точности прицеливания, – достаточно было только наводить ствол в сторону противника, но делать это как можно быстрее, так как расстояние между ними постоянно сокращалось. Как и ожидал Андрей, наученный прошлым опытом, орки не побежали и не растерялись, у них тут же сработал инстинкт хищника – сначала уничтожить угрозу, а уже потом рассуждать что и почему.

Несмотря на то что события мчались со скоростью взбесившейся лошади, Андрей успел охватить всю картину целиком. Так, он отметил, что пятеро были убиты или тяжело ранены гранатами, двоих сняли стрелами его товарищи, еще двоих снял он двумя очередями. Оставшиеся трое бежали друг рядом с другом, и поэтому, наведя на них ствол РПК, Андрей вдавил спусковой крючок, и пулемет, захлебываясь одной бесконечной очередью, выплюнул в их сторону поток смертоносного металла.

Наконец и эта тройка, споткнувшись о плотную стену пуль, повалилась наземь. Андрей, прекратив огонь и поводя в стороны стволом, стал осматривать поле боя. Орки лежали вповалку, трое корчились на земле, будучи тяжелоранеными, четвертый с перебитыми осколками ногами, перекатившись на левый бок, изгибался, чтобы выстрелить из лука, но в планы Андрея это не входило, и поэтому он короткой очередью на три патрона пресек эту попытку на корню, не дав ему натянуть тетивы.

Тут гостю нового мира пришлось убедиться, что вгоняемые в него инструкторами понятия не были чем-то новым – они были стары как мир. Никогда ни при каких обстоятельствах не оставляй за спиной недобитого врага. Эндрю как наскипидаренный рванул к оркам, с другой стороны бежал Жан. Вдвоем они деловито обошли всех орков и, ничуть не чураясь, быстро наносили удары по горлу – купец при этом работал мечом, а охотник ножом, но действовали они весьма быстро. Как ни странно, добивание они начали не с тех, кто подавал признаки жизни, а с неподвижных тел, хотя, как выяснилось, все они были трупами. Поначалу удивившись этому, Андрей вспомнил затем наставления своего инструктора о том, что в первую очередь заслуживают контроля именно лежащие без движения и признаков жизни: раненого корячит так, что он полностью на виду и ни о чем не может думать, кроме как о боли, а вот среди неподвижных может затаиться еще вполне боеспособный и потому особенно опасный противник.

Пока Андрей заменял наполовину опустошенный магазин полным, его соратники обошли всех орков, никого не обделив своим вниманием. После этого они начали деловито собирать добычу с трупов. Но тут Андрей посчитал своим долгом вмешаться:

– Добычу не берем. Нам некогда: нужно еще и своих догонять, лишняя тяжесть ни к чему.

– Жаль оставлять такое богатство, – не скрывая разочарования, проговорил Эндрю. – Броня – дорогой товар, даже орочья, а здесь две кольчуги человеческой работы, хорошая кольчуга с маленькую деревеньку стоит. Эти, кстати, и стоят.

– Нужно брать столько, сколько сможешь проглотить, иначе поперек глотки станет, – резонно возразил Андрей.

– Это точно, но думаю, что от одной кольчуги моя ноша не станет слишком тяжелой.

С этими словами он сноровисто стянул с убитого доспех и, вытряхнув орочий заплечный мешок, уложил его туда; к удивлению Андрея, тот занял совсем немного места. Туда же Эндрю уложил и кошель орка, срезанный с пояса, цепь с шеи и браслет с правой руки. После этого он стал вместе с Жаном деловито обходить трупы и снимать с них самое ценное, укладывая все это в другой мешок, который затем протянули Андрею. Он сразу же понял, что они только что собрали его добычу с убитых им орков. Да-а, к добыче здесь отношение было самым серьезным.

Андрей обратил внимание, что у Жана вся его добыча уместилась в двух кошелях, висящих на поясе. От этой картины ему стало несколько неудобно. Второй орк в кольчуге был убит Андреем, и потому Жан не предпринял никаких поползновений к тому, чтобы забрать трофей себе, хотя Андрей и заметил, с каким вожделением охотник смотрел на кольчугу.

– Жан, если хочешь, то можешь забрать кольчугу себе. И не надо смотреть на меня так. Не хочешь – не бери, но я ее точно не заберу: с меня и так хватает амуниции, еще и эту тяжесть таскать – нет уж, увольте.

Дважды уговаривать себя Жан не заставил: он сноровисто стянул доспех с трупа и, подобно купцу, воспользовался трофейным мешком. Все, пора было двигаться в путь – ведь с каждой минутой расстояние между ними и караваном все возрастало, а больше всего в жизни Андрей не любил ждать и догонять, хотя по иронии судьбы его прошлая деятельность как раз в этом и заключалась.

Они взяли довольно быстрый темп, но все же не бежали, хотя и двигались гораздо быстрее каравана, – в таком темпе они должны были нагнать остальных уже через час. Потерять их они не боялись: уж больно отчетливый след тянулся. Андрей обратил внимание на то, что его спутники приноравливаются к шагу своего командира, и был им за это благодарен. Нет, он, конечно, не шел прогулочным шагом, но видел, что они могут передвигаться и побыстрее.

– Сэр, а насколько сложно изготовить такое оружие, как у вас? – задал давно интересующий его вопрос Жан.

– Очень сложно. Если опустить трудность изготовления деталей, которые, изрядно помучившись, все же возможно изготовить, то встанет вопрос с качеством металла. Но и здесь путем множества попыток можно что-нибудь придумать. Но вот патроны... Патроны ни за что не сделать, потому что в них находится зелье, секрет изготовления которого мне неизвестен.

– Так вы не сможете изготовить эти самые патроны?

– Нет.

– Жаль, – это уже подключился Эндрю. – Такому оружию цены бы не было. Оно легко пробивает воина в броне насквозь, и мне кажется, что и щит не спасет от него.

– Нет, не спасет, – подтвердил Андрей высказывание купца. – Но факт остается фактом: я располагаю только теми патронами, что вы видели, и ничуть не больше.

– А то оружие, что у вас на поясе, такое же мощное? – вновь поинтересовался Жан.

– Нет, это послабее, но с расстояния в двадцать шагов тоже пробьет практически любую броню.

– А почему же, если у вас так мало этих самых патронов, вы так неэкономно расходовали их? – не унимался охотник.

– Ну дело в том, что я раньше не воевал. Это первые враги, которых я убил и с которыми я столкнулся в смертельной схватке.

– Но как же тогда вы могли получить рыцарские цепь и шпоры?

– А разве я когда-нибудь говорил, что я рыцарь?

– Нет. Но ведь вы не возражали, когда мы вас называли сэром.

– Я просто решил, что это вежливая форма обращения, – немного слукавил Андрей. Он прекрасно помнил, что кроме сэра его совершенно однозначно называли и рыцарем, но решил

уйти в сторону от этой скользкой темы. Насколько он помнил, в Средние века нужно было заслужить звание рыцаря, которое ни в коей мере не передавалось по наследству, – его каждый должен был заслужить, и никак иначе.

После этого разговора они перестали называть его как прежде – теперь к нему обращались только «господин Андрэ». Он этим ничуть не огорчился, а испытывающий чувство неловкости купец все же попытался объяснить ему их поведение. Дело в том, что за самовольное присвоение рыцарского достоинства виновному грозила смертная казнь через отрубание головы. В общем, максимум риска за ничего для него не значащее звание.

Караван, как и рассчитывали, догнали довольно скоро, и те были просто несказанно рады видеть своих спутников в целости и сохранности. А с наступлением сумерек они добрались до берега Яны.

День только-только уступал свои права ночи, и потому видимость была довольно приличной, правда, противоположный берег угадывался только широкой черной полосой. Впрочем, его и днем-то не особо разглядишь. Река по своим размерам ничуть не уступала Волге – такая же широкая, полноводная и величавая, ширина ее в этом месте была примерно в полтора километра.

Не теряя времени, мужчины принялись рубить деревья, чтобы навязать из них плоты для предстоящей переправы. Работа предстояла тяжелая и долгая, а потому Андрей высказал свои сомнения по поводу предстоящего мероприятия.

– Ведь все дело в моей добыче – так давайте бросим ее, а возьмем только самое важное, ну то, что мы взяли на моей стоянке, остальное можно бросить.

– Хорошего же вы о нас мнения, господин Андрэ, – вздохнув, возразил Эндрю. – Неправильно это будет, а потом, мы и без того в лесу оставили целую кучу оружия на поживу любому нашедшему. Оставлять еще и это? Нет, так не пойдет.

– Но ведь на изготовление плотов уйдет целая уйма времени.

– Ну если мы будем работать довольно быстро, то не так уж и много. Уже завтра к вечеру все будет готово. А если вы переживаете за наши жизни, то напрасно. Первый плот будет готов уже к полуночи, и если орки появятся, то тогда мы бросим все лишнее и будем спасать свои жизни. А плоты нам просто необходимы, потому что большинство из нас не умеет плавать.

Что ни говори, но купец – он всегда купец. На первом месте для него практичность и выгода, а уже потом степень риска. Риск был, но если все правильно организовать, то можно было особо и не переживать.

– Добро. Жан, тогда отправляйся в патрулирование, ты лучше всех для этого подходишь.

С этим никто не стал спорить, и молодой охотник молча направился к лесу, стоявшему стеной сразу же за песчаным, метров тридцать в ширину, берегом.

Андрей порадовался и тому обстоятельству, что деревья так близко подступали к берегу, и тому, что берег имел довольно крутой уклон, так что поваленные деревья даже с необрубленными сучьями докатывались практически к срезу воды. Но тем не менее работы предстояло довольно много.

Глава 6

Поединок

Нельзя сказать, что Андрей был не голоден, есть хотелось очень. Неделя, можно сказать, на подножном корму, да еще и при сильных физических нагрузках, – тут уж кто угодно проголодается как волк. Но смириться с той вонью, что стояла в таверне, он не мог никак.

Постоялый двор представлял собой одиноко стоящее на открытой местности подворье, огороженное высоким крепким забором с такими же крепкими воротами. За ним был довольно обширный двор, справа от ворот располагался большой сеновал с высокой крышей, крытой камышом, слева конюшня, крыша которой, скорее всего, тоже использовалась для складирования сена, так как имела весьма обширную конфигурацию. Возле конюшни стояли три большие крытые телеги. Судя по всему, здесь на постой остановился небольшой купеческий караван.

Прямо напротив ворот располагался большой каменный дом в два этажа с чердачным перекрытием, покрытый все тем же камышом. Это несколько удивило Андрея – ведь в средневековой Европе прекрасно знали, что такое черепица, и повсеместно использовали ее, во всяком случае, уж такое-то заведение могло позволить себе подобную роскошь.

За домом были видны еще постройки с такими же высокими крышами – вероятно, там содержался скот и птица, которые шли в пищу постояльцам. Здесь не знали холодильников, а потому предпочитали хранить мясо в живом виде и готовить гостям свежатину.

Едва оказавшись во дворе, Андрей сразу же заподозрил неладное. Несмотря на то что стояла середина весны, дорога на открытых пространствах уже успела подсохнуть, хотя там, где она вилась среди деревьев, все еще была весьма труднопроходимой. Двор же постоялого двора был подобен болоту: нужно было очень постараться, чтобы пройти к дому, изрядно не изгваздавшись в грязи, а еще – над двором стояла вонь из смеси мочи и навоза.

Андрей заметил одного молодого человека, судя по одежде – из слуг, который, зайдя за угол дома, но при этом не особо прячась и вовсе не стесняясь, стянул штаны и стал справлять нужду по-большому, да еще и лукаво подмигнул одной из женщин из Андреева отряда.

Но полностью его добила именно таверна, которая располагалась на первом этаже. Это было весьма просторное помещение с большим камином у противоположной от входа стены. Судя по размерам, а также присутствовавшему там же вертелу, камин использовался для приготовления целой туши кабана. Сквозь небольшие окна все же проникало вполне достаточно света, чтобы не зажигать светильников. В обеденном зале стояло около дюжины вполне просторных столов с лавками вместо стульев, за одним из них сидели шесть человек и, не торопясь, ели кашу, приправленную, судя по всему, мясом. Второй этаж полностью занимали комнаты для посетителей.

Конечно, за время совместного путешествия он заметил, что его спутники пахнут далеко не приятно, даже женщины, но он отнес это на условия похода и отсутствие возможности помыться. Как выяснилось, он сильно ошибался – баня в этом мире не пользовалась особой популярностью. Судя по тому, что ему было известно о средневековой Европе, там мылись весьма редко вплоть до девятнадцатого века, так что завшивевший дворянин не был чем-то из ряда вон выходящим – скорее обыденностью.

Несмотря на урчание в животе, рвотный рефлекс был сильнее. Возможно, впоследствии он и привыкнет к подобным ароматам, но пока брезгливость брала свое. Поэтому он вышел из таверны и, поймав одного из слуг, приказал принести ему немного крупы и мяса за забор. Пройдя к волокушам, которые сейчас споро распрягали его люди, он взял небольшой котелок и после этого направился за ворота заведения. Отойдя к маленькой рожице, он наломал суш-

няка, и вскоре на опушке горел скромный костер, а над ним висел котелок, в котором закипала вода.

– Господин Андрэ, что-то случилось?

– С чего ты взял, Эндрю?

– Вы так быстро покинули таверну, что мы даже не успели сделать заказ.

– Вот черт, я и не подумал. – Андрей быстро полез в свой мешок, чтобы достать один из кошельков орков. Как выяснилось, те не чужды были ни золота, ни серебра и очень любили ожерелья из человеческих монет, да и в оборот на своих ярмарках тоже пускали, а потому у Андрея, по местным меркам, было немаленькое состояние, а у его людей не было ни копейки, чтобы заплатить за обед и постой.

– Что вы делаете?

– Не видишь? Я ищу деньги, чтобы вы могли оплатить обед и постой. Я думаю, что ночевка на нормальных постелях пойдет вам только на пользу.

– Но у нас есть деньги. Вы забыли, я и Жан взяли трофеи с четырех убитых нами орков. Нет, оплатить постой и кормежку мы можем на несколько дней, и причем для всех. Меня интересует, почему вы покинули таверну.

– Давай потом поговорим на эту тему, – поморщившись, словно съел лимон, попытался замять разговор Андрей.

– И все же?

– Ты не будешь смеяться?

– Разумеется, нет.

– Дело в том, что там уж больно сильно воняет.

– Заведение, конечно, не из лучших и немного грязновато, но я не заметил ничего такого особенного, – недоуменно заметил купец.

– А я заметил. Уж извини. В моем мире так живут только опустившиеся на самое дно люди.

– Вы презираете нас? – В вопросе Эндрю были и злость, и негодование, и обида одновременно.

– С чего ты взял? – искренне удивился Андрей. – Боже, я вовсе не хотел оскорбить ни тебя, ни кого другого. Вы такие, какие есть, и мерить вас по своей мерке я не собираюсь. Мало того, я уже смирился с тем, что мне придется принять ваш образ жизни, а потому не могу же я презирать и себя самого.

– Но находиться с нами в одном помещении вы не желаете, – все так же обиженно проговорил купец.

– Понимать – это одно, а принять – совсем другое. Если я умом все прекрасно понимаю, то вот желудок мой, например, черт бы его побрал, не желает ничего понимать и рвется вывернуться наизнанку. Извини, но мне еще предстоит привыкнуть. А пока я лучше сварю немного каши здесь, на свежем воздухе. Я надеюсь, между нами теперь нет недоговоренностей?

– Нет, все в порядке, – примирительно проговорил купец, и было видно, что искренние уверения Андрея были приняты им за чистую монету. Впрочем, это и было правдой, Новак говорил именно то, что думал. – Может, я тогда составлю вам компанию?

– А как же жаркое, о котором ты всю дорогу грезил? – лукаво скосив на него взгляд, поинтересовался Андрей.

– А кто сказал, что я от него откажусь? – В это время появился парень с крупной и солидным куском сырого мяса. – Эй, дружище, что там с жарким, ты не в курсе?

– Хозяин велел насадить на вертел барашка.

– Вот и ладно. Как только мясо подойдет, принеси и нам. Держи за труды. – Он кинул парнишке маленькую серебряную монету, и тот ловко поймал ее.

– Как будет угодно господину. – Сверкнув белозубой улыбкой, парнишка стремглав помчался к воротам постоянного двора.

Вскоре каша, приправленная мясом, дошла, и новоявленные друзья начали обедать, с нескрываемым удовольствием поглощая горячую пищу, которой были лишены на протяжении нескольких дней. Даже во время переправы они не могли позволить себе ничего приготовить, так как все, даже женщины, были заняты на тяжелых и неуклюжих веслах. Сама переправа заняла половину дня: все же плоты, да еще и груженные, оказались весьма неповоротливыми.

Как выяснил Андрей, от заветной поляны до реки было не так уж и далеко, всего лишь чуть больше десяти километров, и они могли проделать этот путь за один день, но тут вмешивалась река. Своенравная, обладающая довольно быстрым течением. Если ее правый берег был пологим, сплошь покрытым лесами, постепенно поднимаясь и переходя в горы, то левый – на большом протяжении обрывистым, хотя за ним и располагалась равнинная местность. Берега сплошь состояли из хрупкого сланца, возвышаясь отвесной стеной на высоту до тридцати метров. Подняться по такой стене не представлялось возможным, потому что хрупкая порода в любой момент могла обрушиться, и смельчак, решившийся на такое, вполне мог погибнуть, упав с большой высоты. Такой берег был не везде. Выше по течению, в двух десятках километров, был приличный плес, но, чтобы выплыть к нему, сносимым течением людям пришлось подняться еще на пятнадцать километров вверх по течению.

– Эндрю, а что, берег Яны везде так крут? Неужели так необходимо было подниматься вверх по течению?

– Нет, конечно. Примерно в тридцати милях вниз по течению есть маленький участок, примерно в триста ярдов шириной, который хотя и крут, но все же не обрывист, а дальше еще на пятьдесят миль опять сплошные скалы. Но на первом нам с нашими плотами ни за что было не высадиться. Вы же помните, сколько потребовалось нам времени, чтобы пристать к берегу, а там вдоль скал и течение побыстрее. У нас же плавать умеют только я да Жан, так что для нас был только один способ: на плотях.

– А почему было не проплыть лишние мили и не высадиться дальше? – ничего не понимая, спросил Андрей.

– Потому что, господин Андрэ, если слишком долго находиться на воде, то вздумавшего путешествовать по реке могут обнаружить орки, и тогда они непременно нападут. И потом, там уже земли Франции, а так как между Англией и Францией война, то нам бы не поздоровилось: очень уж они не любят нас, англичан. А вот и мясо. Вот молодец, и вино не забыл, – радостно приветствовал купец парнишку с большим блюдом из обожженной глины, на котором исходило паром горячее мясо. В другой руке он нес весьма вместительный кувшин и узелок, в котором были хлеб, сыр и пара головок лука.

Они вновь жадно набросились на еду. Несмотря на весьма неаппетитные запахи в таверне, все принесенное было очень вкусным, хотя и несколько грубоватым. Мясо слегка подгорело, но Андрей ел с удовольствием.

– Так вот. Французы непременно загнали бы нас в каменоломни, как каких-нибудь каторжников, ну а женщинам тоже не поздоровилось бы.

– А как же тогда идет здесь торговля, если в случае войны всех хватают и определяют на каторгу?

– Торговцы – это другое дело. Их даже не выдворяют из страны, и мало того, ты можешь даже во время войны отправиться в соседнее государство, и риск при этом будет чуть больше, чем обычно. На дорогах появляется слишком много вооруженных людей, но рыцари не позволяют мародерствовать. Торговля выгодна всем. Другое дело, что наш король может осерчать, и тогда горе тому торговцу, которого уличат в торговле с неприятелем: его имущество тут же будет конфисковано в казну, он сам осужден на каторгу, а все его родные выброшены на улицу,

даже гильдия не станет заступаться за своего собрата – себе дороже. Поэтому если начинается война, во избежание неприятностей все торговцы спешат вернуться домой.

– И что, торговля умирает?

– Нет, конечно, – улыбнувшись, проговорил купец. – Она перерастает в контрабанду. Тогда мы доходим до какого-нибудь приграничного городка или селения и продаем там товар контрабандистам, а сами закупаемся у контрабандистов с той стороны.

– И что, в этом случае вам ничто не грозит?

– Абсолютно. Мы ведь не нарушаем закона и торгуем только на своей территории. А вот контрабандисты – другое дело.

– И как, выгодно?

– Ну не так, как в мирное время, но все же деньги не лежат мертвым грузом и продолжают приносить прибыль, хотя и не такую большую. Контрабандисты – те, правда, во время войны зарабатывают не в пример больше. Так вот, если бы мы пристали к их берегу, то нас сразу взяли бы в оборот. Даже крестьянин на своем наделе больше защищен, так как он ценное приобретение, приносящее пользу, а мы попросту голытьба без всякого рода занятий, а наше имущество было бы добычей для отряда, отловившего нас. Впрочем, мне это не грозило бы, за меня точно потребовали бы выкуп. Я, знаете ли, не из бедных.

– Весело тут у вас, как я погляжу.

– Мы не жалуемся, – задорно улыбнувшись, согласился Эндрю.

– Послушай, Эндрю, что ты посоветуешь мне дальше делать? Я ведь новичок у вас здесь и не знаю, куда приткнуться.

– Я посоветовал бы вам купить дом в каком-нибудь городе, можно в моем Дувре. Для этого даже не нужно продавать ваше золото. Вы взяли достаточно трофеев с орков. Если мне не изменяет память, двенадцать золотых цехинов, ну и серебра более ста пятидесяти монет различного достоинства, по весу эдак на сотню шиллингов.

– Ты когда сосчитать-то успел? – улыбнувшись, спросил Андрей.

– Извините, но это невольно вышло. Я ведь купец.

– И насколько это много?

– Судите сами. В одном цехине тридцать шиллингов, итого у вас получается примерно четыреста шестьдесят шиллингов наличными. Плюс шесть полных орочьих доспехов и вооружение, за которые в первой же оружейной лавке можно получить не меньше восемнадцати золотых.

– Это по три золотых за полный комплект вооружения, включая луки, стрелы, ятаганы, ножи и щиты? Ты же говорил, что за один доспех можно купить маленькую деревеньку.

– Ну скорее хутор со всем инвентарем и живностью, но я говорил вам про человеческую кольчугу. Это оружие орочье и далеко не кольчуга, а кожаный доспех, к тому же его еще предстоит доделывать: доспехи перекраивать, потому что не так часто встретишь человека ростом в два метра; ятаганы придется перековывать в мечи, потому что ятаганом нужно еще уметь пользоваться, но металл у орков очень хорош. Со щитами проще: там только перебить кожаные петли – и пехотный щит готов. Шлемам нужно будет слегка изменить полумаску: больно их морды от наших отличаются. Ножи и луки переделываться вообще не будут, потому что орки – самые искусные мастера лука, ну а ножи человеку в самую пору. И потом, доспехи орков если покупаются, то для охраны караванов или вооружения ополчения, а потому они стоят недорого – они все же сильно уступают кольчуге. Итак, в ближайшем городе, а это будет Йорк, мы продадим оружие, если вы не хотите ничего оставить себе.

– Нет, мне нет необходимости в местном оружии: все равно я не умею им пользоваться, а что касается доспеха, то лучше моего бронежилета у вас ничего не найдется.

– Это так, грудь и спину он прикроет хорошо, но остаются прорехи сбоку, с плеч, пах не прикрыт, и шея не защищена, опять же шлема нет. Как видите, масса недостатков, так что я не советую вам продавать вашу кольчугу.

– Твою кольчугу.

– Нет, господин Андрэ, вашу. Но у меня есть предложение. Ведь вы все равно будете переделывать кольчугу, так почему бы вам не поменяться со мной? Я отдал бы вам ту, что снял с орка, а вы отдали бы мне мою прежнюю – по качеству они одинаковы, уверяю вас.

При этих словах Андрей призадумался. Что и говорить, недостатки были указаны верно, а потому от своей прежней идеи одарить Эндрю его же доспехом пришлось отказаться, благо об этом намерении он не высказывался вслух.

– Что ж, вы можете забрать все ваше оружие и доспехи в обмен на ваш трофей.

– Но это неравноценный обмен.

– А сколько, по-вашему, стоит добрый совет? Вы же одариваете меня советами с момента нашего знакомства. Так что извините, но будет так, как я сказал. Более того, вы получите десять процентов от сделки по золоту.

– Вы очень щедры.

– У меня нет в этом мире ни друзей, ни родных, а потому я хочу быть честным и справедливым с теми, кто честен со мной. Конечно, на первых порах я немного потеряю, но приобрету много больше впоследствии. Поэтому я также награжу и всех остальных: им нужно как-то устраиваться в этой жизни.

– И мудры. Но как мне кажется, вы хотите дать всем денег и расстаться с ними?

– Ну а что мне еще делать-то? Не взваливать же мне их себе на плечи. Тут бы самому разобраться в дальнейшей жизни.

– А если я скажу, что они хотят умолять вас оставить их при себе в услужении?

– Это еще что за новости? – растерялся Андрей.

– Они просили бы вас принять от них вассальную присягу, но вы, к сожалению, не рыцарь. Так что будут просить вас принять их в услужение, и это абсолютно точно. Я-то не могу менять своего образа жизни: у меня все уже давно устоялось, и потеря одного каравана хотя и болезненный удар, но все же не смертельный, а благодаря вашей щедрости я еще и в прибыли останусь. А вот женщинам некуда податься, с Мараном та же история, с семьей его, к сожалению, разлучили, и теперь у него нет ни родных, ни средств к существованию, но если со вторым вы ему поможете, то обосноваться на новом месте без поддержки близких – то еще мучение: у нас чужаков не любят. Грэг ни за что не уйдет от вас – он кузнец от Бога, ему даже котел не грозил, если бы он согласился быть помощником у их кузнеца, а вы знаете столько нового, что уже привязали его к себе почище всяких пут. Жан потерял артель в том селении, а в одиночку охотник на орочьей стороне не выживет.

– А они разве охотились артелью?

– Ну конечно. Это же орочий берег, ведь никто не станет плавать туда ради одной туши оленя. А потом, мало его убить – ведь нужно еще и принести на берег Яны, да и большой лодкой управлять в одиночку никак не получится, на маленькой же лодочке много не перевезешь. Охотничья артель обычно включает в себя четверых. Тогда и отдыхать можно по двое, а двое в охране.

– Ну он может прибиться к другой артели...

– В графстве Испвич эта артель была единственной. Не так много желающих нарываться на неприятности на том берегу.

– Значит, мне от них не отвертеться?

– Почему же нет! Но только не с вашим складом характера. Вы ведь не сможете себе позволить обмануть их ожидания.

– Ладно, будем решать проблемы по мере их поступления. Итак, у меня в общей сложности получается сумма в тридцать пять золотых и еще семнадцать золотых браслетов орков.

– Не вздумайте их продавать! – не на шутку разволновался Эндрю.

– Это еще почему? – удивился такой реакции купца Андрей.

– Во-первых, никто и никогда не купит их у вас, во всяком случае – непереплавленными. Во-вторых, наличие двадцати таких браслетов дает вам право на получение рыцарского звания. Этот браслет можно снять только с мертвого орка. Они получают его в день посвящения в воины, и с ним же их и хоронят: этот браслет при погребении обеспечивает им жизнь воина в царстве мертвых, погребенный же без браслета обречен на вечную неприкаянность. Я лично знаю только одного рыцаря, получившего это звание таким путем.

– Да какой из меня рыцарь, – горько усмехнулся Андрей. – Уж ты-то прекрасно знаешь цену моей доблести.

– Я встречал рыцарей, которые и в более простой ситуации теряли мужество и опускали руки. Вы же просто обделались, но затем сумели найти в себе силы, чтобы продолжить сражаться. И потом, вы ведь раньше никогда не знали о существовании орков, так что это объясняет ужас, который вы испытали, столкнувшись с ними в первый раз. Ведь потом вы не испугались выйти против пятнадцати и проявили себя с лучшей стороны. Я знаю многих рыцарей, недостойных этого звания. Вы – достойны.

– Ну ладно, оставим это. Тем более что у меня нет двадцати браслетов.

Тут уж задумался Эндрю и, ухмыльнувшись своим мыслям и лукаво прищурившись, проговорил:

– А кто сказал, что у вас нет двадцати браслетов? Мне мои без надобности – разве только для бахвальства. Жан, я уверен, с радостью отдаст вам один из своих, он даже будет настаивать на том, чтобы вы приняли оба браслета, лишь бы позволили остаться с собой. Так что нам нужно только дойти до Йорка, и граф сэр Свенсон по предъявлении этих браслетов с радостью произведет вас в рыцари.

– А если я украл эти браслеты?

– Эти трофеи хранятся в семейных сокровищницах, на почетном месте, их пропажа будет весьма скоро обнаружена – и вора будут искать весьма усердно. Поэтому похитители могут продать их, только переплавив.

– Да мало ли таких браслетов...

– Вы просто не понимаете. Каждый из этих браслетов уникален и неповторим: вы постарайтесь как-нибудь внимательно посмотреть на браслет – и тогда все поймете.

– Ну хорошо, ты убедил меня. Но мне не нужно рыцарское звание.

– Еще как нужно. Тогда вам не придется селиться в городе, где от святой инквизиции порой не протолкнуться, – а вы рано или поздно вызовете ее интерес: уж больно вы необычный. Рыцарская же цепь позволяет вам приобрести земли из королевских или тех, которые выставлены на продажу, потому что только рыцарь вправе владеть землей, остальные могут быть лишь арендаторами. А деревня – она и есть деревня, там нравы куда свободнее. Если же надел небольшой, то тогда там и церкви-то нет, бывает, до ближайшего прихода доведется отмахать и по двадцать миль. В общем, для вас, по крайней мере вначале, это самое лучшее.

– Я, может, чего-то и не понимаю, но скажи-ка мне: ведь рыцарское звание одновременно накладывает и кое-какие обязательства? Или у вас здесь рыцарь может жить в свое удовольствие и наплевать на все остальное?

– Нет, конечно. Рыцарское звание подразумевает под собой принятие присяги своему сюзерену и службу.

– Ну и зачем мне это нужно? Мне сейчас важно устроиться как можно комфортнее, и желательно – где-нибудь в глухомани, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания. Вот ты говорил, что только рыцарь может быть владельцем земли, а арендовать ее кто может?

– Арендатором может быть любой человек, даже крестьянин, лишь бы был в состоянии выплачивать аренду, – недоумевая, пожал плечами купец.

– Вот и ладненько. Присоветуй мне какой-нибудь участок потише и поуединеннее. Поживу, осмотрюсь, а то как в омут головой – сразу служить и защищать, – глупо может получиться.

На этом они закончили разговор, так как уже стемнело и пора было возвращаться на постоянный двор. С наступлением темноты ворота закрывались, как в настоящей крепости, и не открывались до самого рассвета. Запоздалым путникам в этих краях никогда рады не были и на постой не пускали – мало того, не позволяли останавливаться ближе трех сотен ярдов от стены, да и то только потому, что до таких непрошенных соседей не мог добить ни один лук. Все постоянные дворы были известны, и путники так рассчитывали свой путь, что если не успевали до очередного ночлега засветло, то оставались на предыдущем месте ночевки. Что тут скажешь, приграничная территория: тут тебе и орки, и свои лихие разбойнички.

Ввиду того что дороги еще окончательно не просохли, движение по тракту было весьма слабым, а потому хозяин мог себе позволить разместить постояльцев вполне вольготно, да только Андрей не пожелал воспользоваться одной из лучших комнат. Мало того что его выворачивало от затхлой и кислой вони в помещении, так еще и была возможность подцепить там блох. Хотя белье и стиралось, да вот только чистота тела здесь не была в чести.

Руководствуясь такими соображениями, он предпочел переночевать на сеновале. Жан решил составить ему компанию – будучи охотником, он не больно-то любил жизнь в домах, предпочитая палатку. Сеновал приятно удивил Андрея: сюда даже не доносились весьма неприятные запахи со двора, а царил аромат пряного сена. К тому же было очень мягко и удобно. Насколько он успел выяснить, матрацы здесь набивались все тем же сеном, и меняли его не чаще одного раза в месяц, а потому его спутникам предстояло спать не на таком комфортабельном ложе, как досталось им с Жаном. С удовольствием растянувшись на сене, Андрей довольно улыбнулся, предвкушая первую спокойную ночь за последние дни.

Андрей никогда не был лежебокой, впрочем, к жаворонкам он тоже не относился – так, нечто среднее, во всяком случае, дольше восьми часов утра он спать не мог ни при каком раскладе. Даже после бурной ночи с чрезмерным употреблением спиртного он просыпался не позднее этого срока и, как бы плохо себя ни чувствовал, больше валяться в постели не мог. Другое дело, что, промаявшись пару часов, он мог вновь завалиться в постель и дать возможность изможденному организму прийти в себя посредством целительного сна. Здесь же он заметил за собой склонность просыпаться с рассветом. Скорее всего, сказывалось отсутствие телевидения или иных развлечений, из-за чего ему приходилось ложиться не так поздно, как в той, прошлой (да, уже прошлой!) жизни.

Сегодня же он проснулся поздно. Во всяком случае, его разбудил не деловитый шум во дворе, а солнечный луч, пробившийся сквозь щели в створке ворот и упавший ему на лицо.

Открыв глаза, он отодвинулся в сторону, чтобы утреннее солнце не слепило его, и, испытывая истому во всем изможденном за последние дни теле, с наслаждением потянулся, прислушиваясь к тому, как похрустывают суставы. Глубоко вдохнув чистый, пропахший сеном воздух, он со вкусом зевнул и осмотрелся по сторонам.

Жана уже не было, но, уходя, охотник прикрыл за собой ворота и, вероятно, попросил не открывать их, чтобы дать ему выспаться, потому что вчера ворота сеновала были открыты настежь, и, как подозревал Андрей, они не закрывались в течение всего дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.